

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-4-66-240–296

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ КОСТЮМА – ВОТИВЫ СВЯТИЛИЩА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЭКЛИЗИ-БУРУН (К КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКА)

А.В. Лысенко¹, В.И. Мордвинцева^{2, 3}

¹*Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия*
a-lysenko@mail.ru

²*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия*

³*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*
v_mordvintseva@mail.ru, vmordvintseva@hse.ru

Аннотация. Металлические украшения костюма, обнаруженные на варварском горном святилище римского времени Эклизи-Бурун, датируются I–III вв. н.э. Большинство этих предметов соотносится с женским костюмом, зафиксированным для варварских погребальных контекстов Центрального Крыма, различающихся локализацией (Крымское Предгорье и Южнобережье), а также особенностями обряда («трупоположение» и «трупосожжение»). Небольшая их часть характерна лишь для могильников Южнобережья с захоронениями остатков кремаций. Анализ культурных ниш, в которых производились и использовались украшения, депонированные в святилище Эклизи-Бурун римского времени, позволяет предположить, что его адепты происходили из социумов, обитавших на южном макросклоне Главной гряды Крымских гор и практиковавших кремацию умерших. Видимо, эти люди фигурировали в греко-римской нарративной традиции и местных эпиграфических документах римского времени как «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы», населявшие «Таврику». Предположительно, они появились в Горном Крыму во II–I вв. до н.э. (мигрировали из области распространения латенизированных археологических культур?) и сохраняли культурное своеобразие до начала V в. н.э.

Ключевые слова: святилище Эклизи-Бурун, украшения костюма, римское время, Горный Крым, Таврика, тавро-скифы, скифо-тавры, Боспор, Херсонес.

Культурный комплекс Эклизи-Бурун находится в южной части физико-географической провинции Горный Крым¹, в центре Главной гряды Крымских гор, в

Данные об авторах: Лысенко Александр Владимирович – научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН; Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Центра античной и восточной археологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ См. Подгорецкий 1988, рис. 8, Б.

ландшафтной зоне «Главная гряда (Яйла)»², на вершине горы Чатыр-Даг³, в 12,5 км от берега моря, на высоте 1490–1527 м н. у. м. (рис. 1; рис. 2)⁴. Объект представляет собой пятно культурных отложений, залегающих на слегка наклонной площадке и окружающих ее склонах различной крутизны. Предварительно выделяется четыре этапа его существования: 1) «раннеримский» (рубеж эр – 2 пол. II – 1 пол. III в. н.э.); 2) «позднеримский» (1 пол. III – 1(?) пол. IV в.); 3) «средневизантийский» (VIII(?)–IX–X вв.); 4) «позднесредневековый» (XIV–XV(?)–XVII–XVIII вв.). На этапах 1 и 2 здесь находилось варварское «общественное» святилище, на этапах 3 и 4 – христианские храмы⁵. Особенности местоположения (на значительной высоте, в условиях сравнительно жесткого климата, в некотором удалении от поселений), видимо, отражались на режиме посещения и использования объекта, по крайней мере для массовых мероприятий (сезонно, эпизодически – по особым случаям)⁶. При его изучении в шурфах и раскопе вскрыты напластования, содержавшие в основном продукты функционирования святилища этапа 1⁷. Данные о прочих периодах получены в результате картографирования и анализа подъемного материала, а также из историко-архивных сведений. В раннеримское время, судя по остаткам ритуальных действий, здесь совершались массовые жертвоприношения животных (преобладают домашние: свинья, мелкий и крупный рогатый скот), изначально (разово?) путем складирования, а впоследствии посредством сожжения их останков (большинство фрагментов – части черепов и нижних челюстей). Тут же, видимо, осуществлялась ритуальная трапеза с возлияниями и последующим разбитием (или деформированием иными способами) использованных сосудов, а также жертвовались (в основном путем преднамеренной поломки и складирования на святилище) разнообразные вещи⁸. В позднеримское время практика и формы посвящения артефактов, возможно в меньшем объеме, сохранялись.

Ближайший территориально, морфологически и по особенностям локализации, а также частично синхронный с Эклизи-Бурун и, вероятно, культурно гомогенный с ним археологический объект – святилище Гурзуфское Седло (II–I вв. до н.э. – IV в. н.э.), расположен на вершине горы Калфрах-Каясы⁹, в

² Буров 1991, 17.

³ С кон. XVIII – нач. XX вв. традиционно отождествляется с горой Трапезунт в Таврике (Strabo. VII. 4. 3; Лысенко 2014, 110–111).

⁴ Археологический объект обнаружен в 1997 г. Обследования и сборы подъемного материала осуществлялись здесь в 2000–2010, 2017–2018 гг., шурфовка – в 2005 г., небольшие раскопки – в 2006 г. (Лысенко 2009, 383–384; Lysenko 2013).

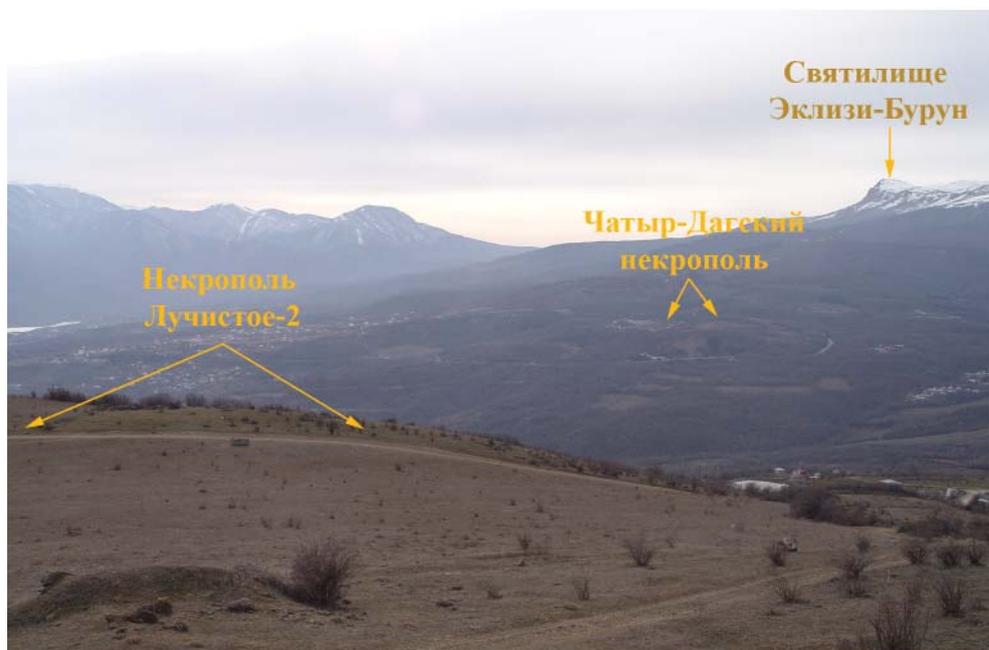
⁵ Lysenko 2013, 277; Лысенко, Масыкин 2016, 167.

⁶ См. Лысенко, Тесленко, Мусин 2017, 305.

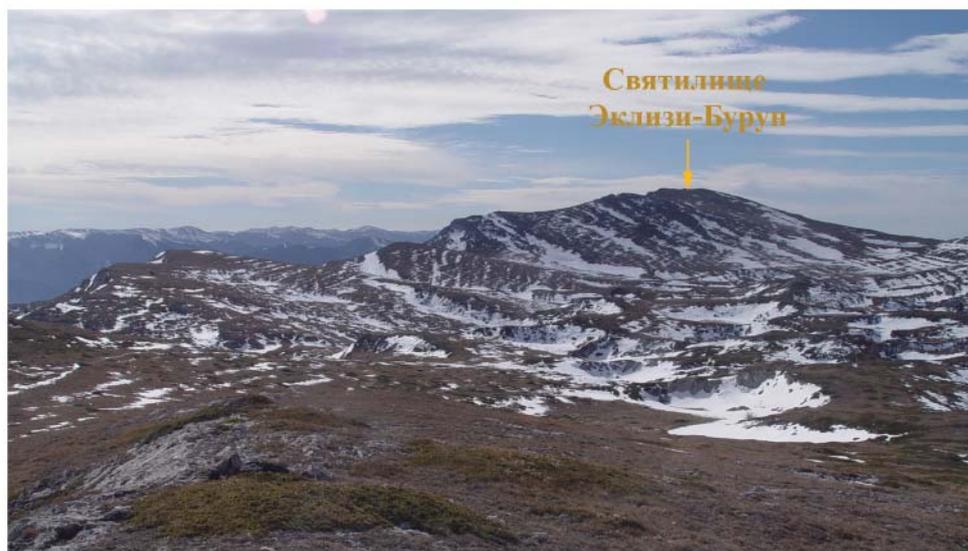
⁷ Эти культурные отложения существенно повреждены естественными экзогенными процессами рельефообразования, земляными и строительными работами, связанными с обустройством более поздних комплексов, а также современными грабителями. Судя по особенностям структуры и условиям залегания, они были переотложены либо еще в процессе функционирования святилища (в результате реорганизации пространства культового комплекса, например при периодической расчистке сакрального центра от остатков жертвоприношений), либо вскоре после завершения его использования (единовременное целенаправленное уничтожение объекта) (Lysenko 2013, 277–278).

⁸ Неповрежденными в культурные отложения святилища археологизировались, в основном, элементы сложных изделий, в частности костюма (бусы, декоративные накладки, пряжки, фибулы в положении «закрыто»). Видимо, одежда со всеми аксессуарами воспринималась дедикантами как единое целое и жертвовалась, обычно, путем деструкции ее основы, изготовленной из органических материалов (см. Лысенко, Масыкин 2016, 168, прим. 12).

⁹ Новиченкова 2015.

1

2

Рис. 1. 1. Местоположение святилища Эклизи-Бурун в ландшафте Алуштинского горно-приморского амфитеатра. Вид с востока. Фото. 2 – Святилище Эклизи-Бурун в ландшафте Яйлы. Вид с северо-востока. Фото

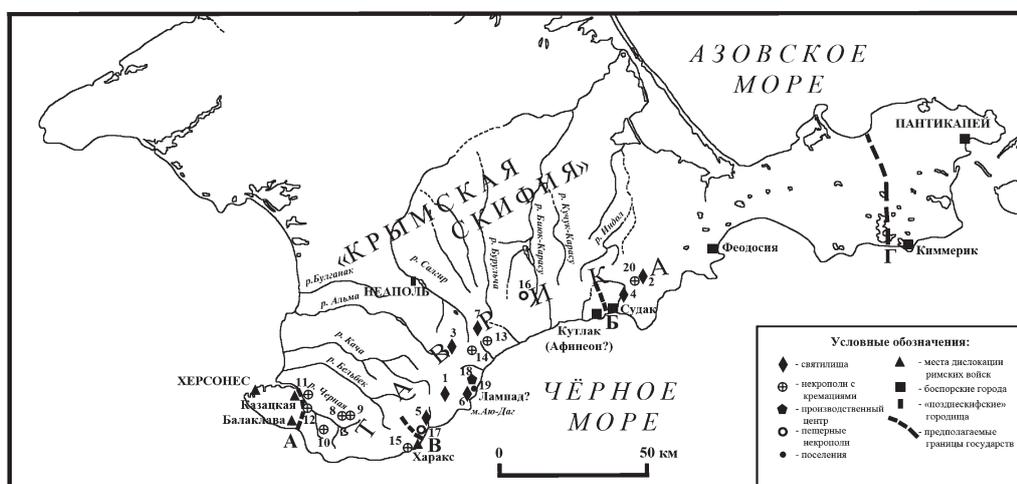

Рис. 2. Южная часть Горного Крыма в римское время. Предполагаемые границы государств: А, В – полисы Херсонес на рубеже эр и во второй трети II – первой трети IV вв. н.э.; Б, Г – Боспорского царства в I–III и во второй половине IV вв. н.э. Археологические объекты: 1 – Гурзуфское Седло; 2 – Туар-Алан; 3 – Эклизи-Бурун; 4 – Таракташ; 5 – Аутка; 6 – Алигор; 7 – Пахкал-Кая; 8 – Узеньчик; 9 – Муловский; 10 – Варнутская долина; 11 – Совхоз-10; 12 – Черноречье; 13 – Лучистое-2; 14 – Чатыр-Даг; 15 – Ай-Тодор; 16 – Бай-Су; 17 – Ай-Никола; 18 – Парагильмен; 19 – Чугунун-Кая; 20 – Кизилташ

17,7 км к югу – юго-западу от Чатыр-Дага (рис. 2, 1). Оба памятника демонстрируют инновацию в обрядовой практике населения региона¹⁰, находятся между полисом Херсонес и Боспорским государством, между ландшафтными зонами «Крымское Предгорье» и «Южнобережье»¹¹. В позднеэллинистическое – римское время первая из них была занята населением, оставившим Позднескифскую археологическую культуру¹² и ее «стремящуюся к отделению» «фазу»(?) или отдельную археологическую культуру – группу памятников «Озерное – Инкерман» («Инкерманская» культура, 2 треть III – 1 треть IV – кон. IV – 1 пол. V вв. н.э.)¹³. В пределах второй обнаружены многочисленные кратковременные «поселения» II–III вв. н.э. (пока изучены недостаточно)¹⁴ и несколько могильников с захоронениями остатков кремаций (Лучистое-2, рубеж I–II – 2 треть III вв. н.э.¹⁵ (рис. 2, 13), Чатыр-Даг, 2 треть III – 1 треть IV вв. н.э.¹⁶ (рис. 2, 14) и Ай-Тодор («Харакс»), 2 треть III – нач. V вв. н.э.¹⁷ (рис. 2, 15)), объединяемые исследователями

¹⁰ Лысенко 2009, 395.

¹¹ Морфологически сходный объект – святилище Туар-Алан (II в. до н.э. – 1 четв. I в. н.э.) – известен также на крайнем северо-востоке Южного Крыма (Гаврилов, Труфанов 2014) (рис. 2, 2).

¹² Лит. см. Мордвинцева 2017а.

¹³ Лит. см. Юрочкин 1997; 2002а; Юрочкин, Труфанов 2007, 360, 370–371, прим. 21, рис. 1А; Храпунов 2013.

¹⁴ Лысенко 2010.

¹⁵ Мордвинцева, Лысенко 2016.

¹⁶ Мыц и др. 2006.

¹⁷ Орлов 1987; Айбабин 1984, 119, рис. 1.

в «группу памятников типа Ай-Тодор»¹⁸ (видимо, не вполне однородную¹⁹), либо рассматриваемые как часть особой археологической культуры²⁰. Относительно места обитания социумов, использовавших святилища, существуют по крайней мере два мнения: Крымские Предгорья (Крымская Скифия)²¹ или южный макросклон Главной гряды Крымских гор (Южная Таврика)²² (рис. 2).

Среди вотивов святилища римского времени Эклизи-Бурун преобладают вещи утилитарного назначения. Их ассортимент довольно широк. Наиболее многочисленны обломки сосудов (особенно стеклянных), бусы, железные ножи. Нередки монеты, зеркала, фибулы. Среди экстраутилитарных изделий представлены апотропеи, а также статуэтки и другие артефакты с изображениями греко-римских и «фракийских» божеств. Соотнести большинство обнаруженных при исследовании памятника артефактов с культурой адептов святилища без специального анализа сложно. Как инокультурные однозначно могут восприниматься римские вещи и, вероятно, монеты. С «традиционной» частью материальной культуры населения, создавшего объект, можно сопоставить многочисленные однотипные железные ножи, возможно, являвшиеся элементами стандартного/минимального (мужского?) набора вотивов и/или использовавшиеся при жертвоприношении животных²³. Исследованию подвергались лишь предметы римского производства, среди которых довольно многочисленны элементы вооружения и военного костюма, видимо, представляющие собой трофеи, добытые «варварами» у римских военнослужащих и указывающие на в целом милитарный характер комплекса²⁴.

Обрядовая практика, в рамках которой функционируют общественные святилища, видимо занимает одно из центральных мест среди разновидностей деятельности, формирующих и поддерживающих идентичность социумов²⁵. Исходя из этого можно предполагать, что в ее формах отражена стадияльная и культурная принадлежность коллективов адептов святилищ, что должно проявиться и в сакральных археологических комплексах²⁶. Археологический костюм является источником разноплановой культурологической информации²⁷. В частности, в результате изучения его украшений могут быть получены данные, позволяющие судить о социальной структуре социума, векторах, механизмах и содержании его культурных взаимодействий²⁸. Поскольку культурную принадлежность горных святилищ, по мнению некоторых исследователей, по введенным в научный оборот сведениям определить невозможно²⁹, публикация и анализ украшений костюма из Эклизи-Бурун представляются актуальными.

¹⁸ Kazanski 1991, 84–87.

¹⁹ См. Мыц и др. 2006, 178–180.

²⁰ Айбабин, Хайрединова 2017, 33–34 и сл.

²¹ Зубарь 2005, 233–235. О термине «Крымская Скифия» см. Мордвинцева 2017а.

²² Лысенко 2009, 394.

²³ Lysenko 2013, 278–279.

²⁴ Lysenko, Masyakin 2012; Лысенко, Масыкин 2016.

²⁵ Тишков 2003, 88.

²⁶ См. Антонова 1990, 180; Русанова 2002, 10.

²⁷ Лит. см. Яценко 2006, 5–7.

²⁸ Доде 2008, 22–23.

²⁹ Храпунов 2016, 126.

ОПИСАНИЕ УКРАШЕНИЙ КОСТЮМА³⁰*Детали головных уборов*

1. Фрагментированная бронзовая пластина с загнутыми короткими сторонами, украшенная пунсонным орнаментом в виде двух разновеликих вертикально вытянутых овалов с одним центром (рис. 3, 1; рис. 7, 2). По краям внутреннего овала помещены крупные точки. Представляет собой элемент составной диадемы. Размер фрагмента: 2,0×2,5 (3,2) см. Толщина пластины: 0,04 см.

2. Серебряная пластина (деталь диадемы?) ланцетовидной формы с крепежными крюками на окончаниях, загнутыми назад и образующими петли (рис. 3, 2; рис. 8, 1). Заготовка вырезана из листового металла. Широкая ее часть, вероятно, дополнительно расклепана. Крюки и пластина в сечении четырехгранные. Всю лицевую сторону изделия покрывает декор типа «елочка», образованный десятью дуговидными или смыкающимися под тупыми углами линиями частых низкорельефных «жемчужин» (по 6–10 в ряду, выполнены пунсоном с овальной рабочей частью с тыльной стороны пластины). Здесь же предварительно нанесены тонкие врезные линии, частично совпадающие с пунсонными (разметка?). Предмет слегка погнут. Общая длина: 5,30 см, длина листовидной части: 4,65 см, ширина: до 1,28 см. Толщина пластины: 0,03–0,06 см. Вес: 1,56 г.

3. Подобное изделие (рис. 3, 3; рис. 8, 2). Покрывается восемью рядами орнаментальных линий «жемчужин», по 10–12 в ряду. «Разметка» на обороте отсутствует. Пластина слегка погнута. На ее тыльной стороне, у краев, видны тонкие продольно ориентированные технологические трещины, образовавшиеся, видимо, при расклепывании. Заметны также следы двух субпоперечных линий сгиба дуговидного профиля, возможно, свидетельствующие о «вторичном» использовании предмета (видимо окончания пластины с петлями были загнуты назад (вокруг кожного ремня?), а впоследствии разогнуты). Общая длина изделия: 6,22 см, длина листовидной части: 5,00 см, ширина: до 1,25 см. Толщина пластины: 0,02–0,06 см. Вес: 1,82 г. Расстояние от окончаний изделия до линий сгибов: 1,86–2,09 см, расстояние между ними – 2,30 см, их ширина – до 0,27 см.

4. Прямоугольная серебряная пластина с индикацией римской монеты (рис. 3, 4; рис. 7, 3). На лицевую сторону амальгамированием нанесена позолота. Индикация расположена в центре изделия, представляет собой выполненный в технике тиснения четкий отпечаток аверса монеты, ориентированный примерно в соответствии с осями пластины. Изображение и круговая легенда в линейном или точечном ободке: бюст молодого безбородого императора в лучистой короне и драпировке(?) вправо, IMP. CAES. M. A[N]T. GO[RDIANUS] AVG. Тип аверса, представленный на индикации, характерен для серебряных (антонинианы), медных (дупондии) и редких золотых (ауреусы) монет императора Гордиана III (238–244 гг. н.э.), чеканившихся в Риме и Антиохии в основном с лета 238 по начало 240 гг. н. э.³¹ Учитывая размер кружка и четкость отпечатка можно предполагать, что индикация сделана с антониниана или дупондия хорошей сохранности. Изде-

³⁰ Все публикуемые предметы относятся к подъемному материалу.

³¹ См. Mattingly, Sydenham, Sutherland 1949, 1, 3, 15–21, 33–36, 38, 40, 41, 43–45, nos. 1–6, 14–20, 27–39, 48–50, 168–175, 177–181, 183–187, 189–190, 192–205, 219A–221, 224, 226A, 243, 245, 247, 254(c), 256(c), 258(c), 260(c)–262(c), 264(c). 265(c), 267(b), 269(b), 270(b), 272(c)–274(c).

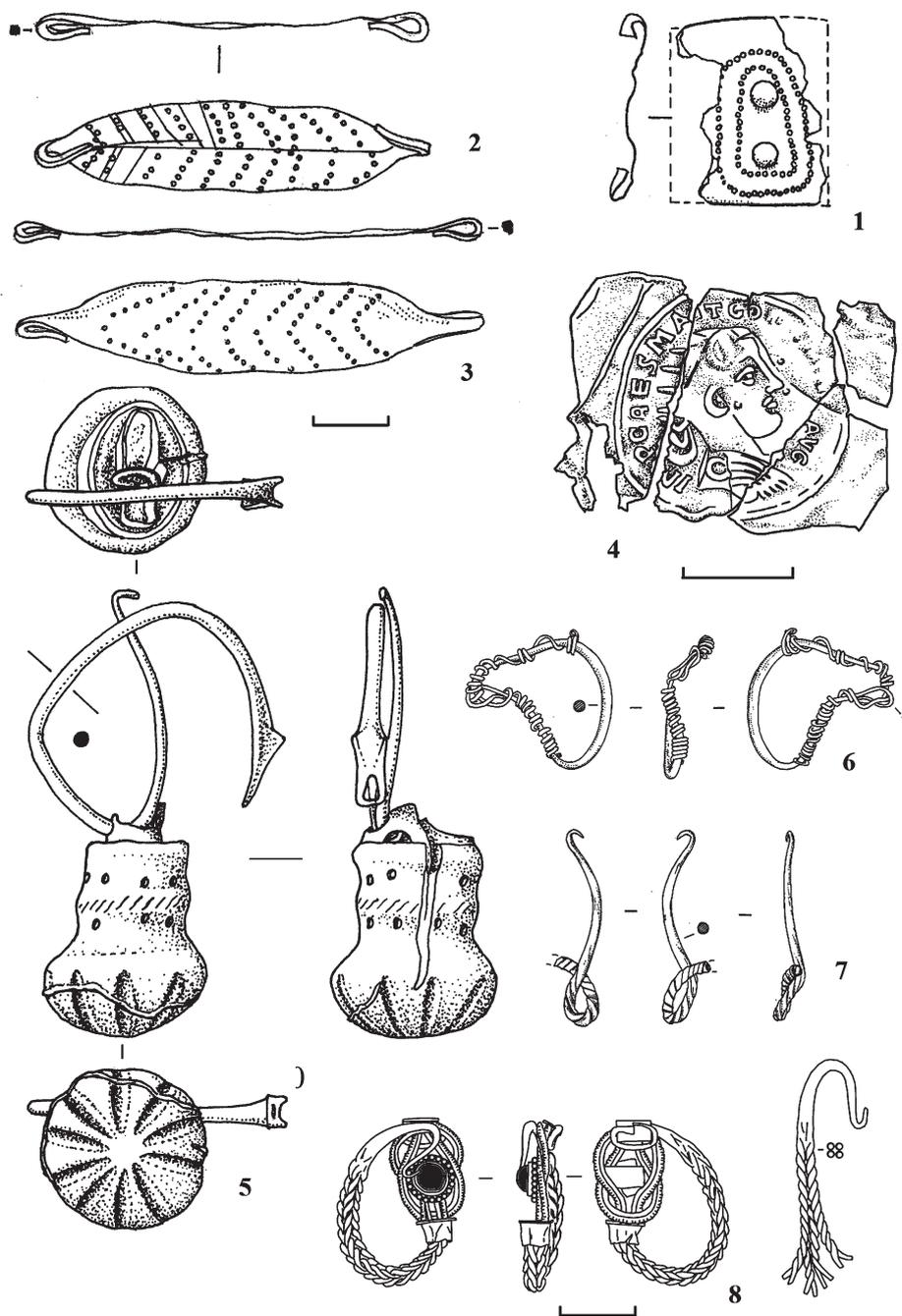

Рис. 3. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1 – накладка на диадему. 2, 3 – пластины диадемы/венка. 4 – индикация. 5–8 – серьги. 1 – бронза. 5 – серебро, бронза, свинец. 2–4, 7 – серебро. 4 – позолота. 6, 8 – золото

лие, возможно, использовалось в качестве центральной части венка или диадемы. Ко времени находки было свернуто в плотный комок. При разгибании в процессе камеральной обработки растрескалось. Размер пластины: 2,10×3,00 см, ее толщина: 0,01 см. Диаметр индикации: около 2,0–2,2 см. Вес: 0,64 г.

Серьги

5. Золотая серьга (рис. 3, 8; рис. 7, 6). Состоит из проволочного кольца с петлей и крючком и щитка. Кольцо образовано четырьмя спаянными дротами, каждый из которых скручен из двух перевитых проволок (орнамент «косичка»). Один из его концов прокован и загнут в виде крючка. На второе окончание надета и обжата (припаяна?) цилиндрическая обойма, «заглушенная» прямоугольным листом металла, к которому припаян щиток в виде «узла Геракла», сплетенного из двух дротов, каждый из которых спаян из гладкой (внутренняя) и рубчатой (внешняя) проволоки. Центральную часть этого украшения занимает цилиндрическое гнездо из полоски золотого листа с шаросегментовидной вставкой из прозрачного темно-фиолетового стекла. По периметру гнездо окружено зернью. С тыльной стороны конструкция щитка укреплена расположенными крест-накрест прямоугольными пластинами листового металла (более светлого цвета, вероятно, другой пробы). На обращенный к крючку край щитка напаян прямоугольный лист металла с сегментовидной петлей – застежкой серьги из округлой в сечении проволоки с плоско расклепанными концами. Изделие деформировано (смято, местами погнуто). Стекло вставки коррозировано, с небольшими выщерблинами. Высота серьги: до 2,31 см. Ширина: до 1,63 см. Общий размер сечения петли: 0,22–0,24 см. Диаметр дротов, из которых она свита: 0,05 см. Размеры щитка: 1,35×0,96 см. Диаметр гнезда под вставку: 0,66 см. Диаметр зерни на гнезде вставки: 0,055 см. Вес: 4,10 г.

6. Серьга серебряная с массивной биметаллической (бронза, свинец) подвеской (рис. 3, 5). Выполнена из округлой в сечении проволоки. Одно из ее окончаний овално расклепано и снабжено отверстием, второе выполнено в виде крючка. Расклепанное окончание украшено двумя тянутыми треугольными выступами, придающими украшению зооморфный вид (голова хищника?). Серьга погнута. Диаметр ее: около 3,7 см. Размер сечения проволоки: до 0,30 см.

В качестве подвески использовано изделие, изготовленное из окончания оковки ножен меча-гладиуса типа Майнц (2 пол. I в. до н.э. – 1 пол. II в. н.э.)³². Оболочка его выполнена из листовой(?) бронзы, внутренний объем залит свинцом. Нижняя часть предмета по форме близка к шаровому сегменту, украшена одиннадцатью радиально расположенными продолговатыми тисненными(?) углублениями. Верхняя его часть – овалный цилиндр (видимо, изначально круговой), профилированный двумя круговыми бороздами. Каждая украшена девятью пунсонными округлыми углублениями, а разделяющий борозды выступ декорирован косыми насечками. Видимо, в процессе изготовления листовой(?) металл растрескался. При заливке свинца часть его просочилась сквозь трещины, образовав на поверхности изделия выпуклые прямую и ломаную линии. Кроме того, при заливке во внутренний объем подвески была помещена свернутая из листовой бронзы подпрямоугольная по контуру «обойма» (изготовлена из лома(?)) – фрагмента пришедшего в негодность предмета?), торец которой возвышается над свинцом.

³² См. Lysenko, Masyakin 2012, 22–23.

У одного из ее коротких краев в пластине напротив друг друга располагаются два отверстия – неправильной формы и округлое, в которое продета серьга. Высота подвески: 2,65 см. Диаметр нижней части: 2,17 см, высота: около 0,95 см. Размер сечения верхней части: 1,52×1,64 см. Толщина оболочки: 0,06 см. Судя по состоянию серьги (небольшое количество «старых» царапин от острого края крепежного отверстия массивной подвески) можно предполагать, что предмет смонтировали незадолго перед археологизацией.

7. Серьга серебряная фрагментированная (рис. 3, 7; рис. 7, 1). Изготовлена из квадратной в сечении тордированной проволоки, одно из окончаний которой, прокованное до круглого сечения, сужается и загнуто в виде крючка. Деформирована (согнута), окончание, завершавшееся петлей, обломано. Реконструируемый диаметр изделия: около 2 см. Толщина проволоки: до 0,16 см.

8. Золотое проволочное височное кольцо (рис. 3, 6; рис. 7, 4). Проволока сужается к краям. Ее окончания петлеобразно изогнуты и продеты друг в друга, а затем многократно обернуты вокруг образовавшегося кольца. Количество витков: 12 и 15. Ко времени находки один из краев кольца (центр «завязки») был сильно оттянут (преднамеренно деформирован?, место крепления подвески?). Ширина: 1,92 см, высота: 2,02 см. Диаметр проволоки: до 0,17 см. Вес: 1,92 г.

Подвески

9. Подвеска-лунница серебряная (рис. 4, 1; рис. 7, 5), литая, овальная, граненая, в сечении ромбовидная, с припаянным ушком для подвешивания (утрачено). Концы ее не сомкнуты, субпирамидально утолщены. Участок изделия, на котором крепилось ушко и/или другой его элемент, выделен двумя продолговатыми, в плане листовидными «выемками». Контур остатков припоя в целом округло-овальный, виден на трех гранях примерно напротив промежутка между окончаниями лунницы. Размер ее без ушка: 3,10×3,84 см. Размер сечения: до 0,43×0,46 см. Размер утолщений на концах: до 0,21×0,24 см. Диаметр (длина?) пятна припоя: 0,77 см. Вес: 5,86 г.

10. Подвеска бронзовая, литая, выполненная в виде круглой антропоморфной скульптурки (рис. 4, 5; рис. 7, 7). Руки персонажа отведены от туловища, плечи покатые. Ноги слегка согнуты в коленях (левая обломана по коленному сгибу). Голова непропорционально велика. Лицо широкое. Круглым штампом показаны подбородок, нос, глаза. Виден головной убор. Субвертикальными углубленными линиями отражена его фактура. С тыльной стороны изделия, на уровне головы и шеи находится петля для подвешивания (подтреугольная в сечении). Общая высота: 2,77 см, ширина – 1,64 см, толщина (без петли): 0,62 см.

11. Подвеска бронзовая, литая, уплощенная, выпукло-вогнутая, со стилизованным изображением человеческого лица анфас (рис. 7, 8). Лицо широкое, овальное. Показаны нос, рот (малый, с приподнятыми углами), широкий овальный подбородок. Оттисками кольцевого штампа намечены близко посаженные глаза. Головной убор или прическа изображен в виде двух уплощенных дуговидных валиков, разделенных глубоким врезным желобком. Через оба валика проходят косые, наклонные слева направо, иррегулярные насечки (не менее 13 шт.). На нижнем валике видны дополнительные насечки (не менее 11 шт.), наклонные справа налево и крестообразно пересекающие нанесенные ранее. Петля округло-

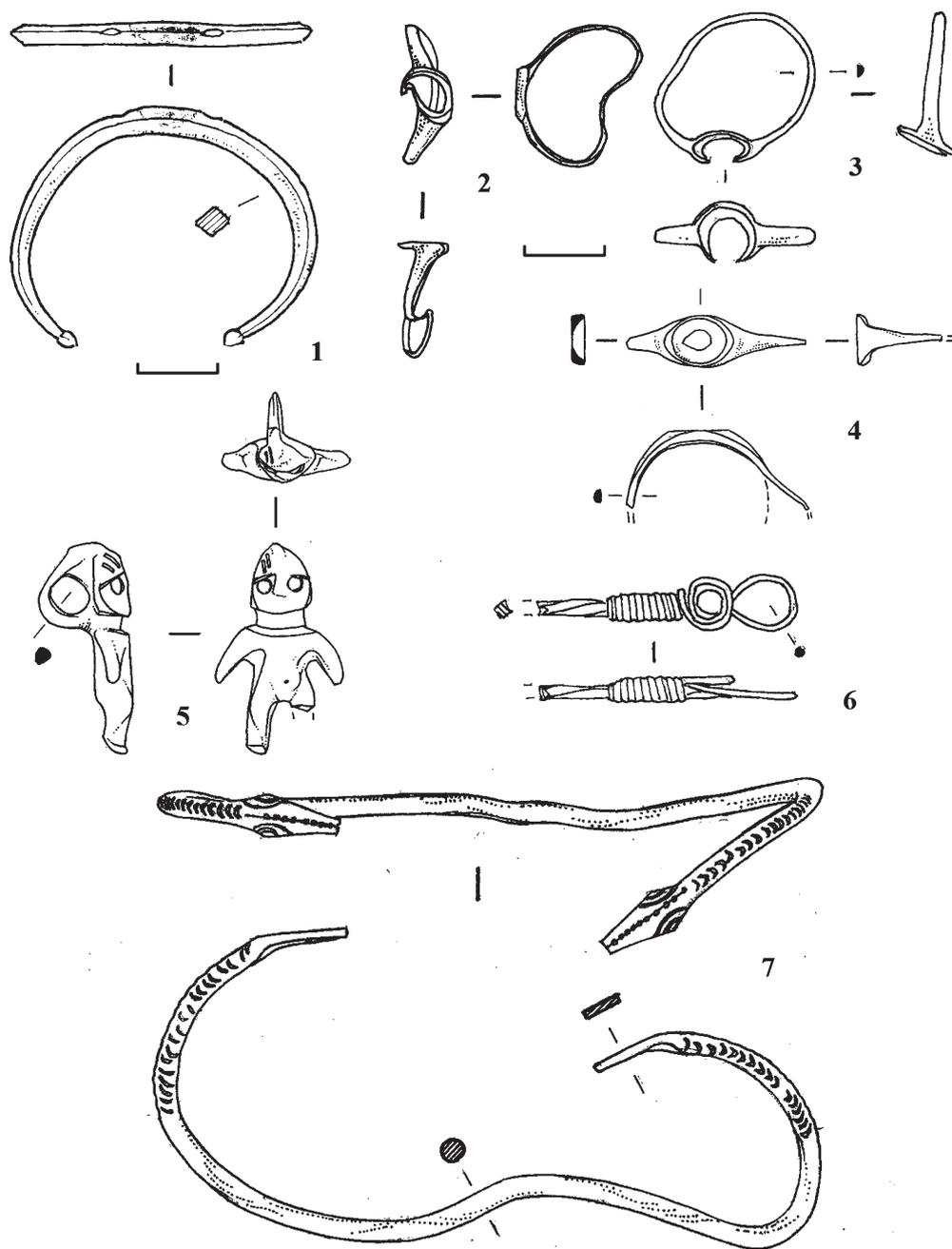

Рис. 4. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1, 5 – подвески. 2-4 – перстни. 6-7 – браслеты. 1, 6, 7 – серебро. 2-5 – бронза

овального контура, с круглым отверстием, округло-овальная в сечении, расположена на верхней грани предмета, примерно на его продольной оси (немного отклонена влево), ориентирована в перпендикулярной ему плоскости, выступает на тыльную сторону изделия. На оборотной, вогнутой стороне подвески сохранилась необработанная литейная поверхность с хаотично расположенными формовочными(?) швами³³. В целом можно предполагать, что предмет изготовлен путем литья в неразъемную форму, полученную с участием утрачиваемой модели (восковой?), выполненной по оттиску прототипа (шаблона) в глине(?) методом литья «навыплеск»(?)³⁴. «Швы», видимо, образовались либо в результате деформации модели при извлечении из оттиска, либо при изготовлении формы, либо из-за ее растрескивания при сушке или заливке расплава. Общая высота изделия: 4,1 см, ширина – 2,6 см, толщина (без петли): 0,9 см.

Браслеты

Окончания трех предметов оформлены в виде стилизованных змеиных голов. Каждое из них и прилегающие к ним участки браслетов украшены орнаментом, видимо изображающим отдельные части тела змеи.

12. Браслет бронзовый с несомкнутыми(?) концами, из округлого в сечении массивного дрота (рис. 5, 2). Окончания изделия ромбовидно расклепаны, в сечении овальные. На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий обозначены «глаза». «Зрачки» показаны оттиском штампа с рабочей частью в виде разомкнутого(?) кольца (разомкнутые стороны оттисков обращены наружу). По их продольным осям от «глаз» к «носам» и «шеям» проведены врезные линии. На «шеях» – по 1–2 оттиска разомкнутого кольца. На одно из «туловищ» нанесена врезная, проведенная по спирали линия. На второе – две такие линии, многократно крестообразно пересекающиеся и образующие ромбы. По крайней мере, в трех из них, ближних к «голове» – оттиски разомкнутого кольца. Браслет деформирован (разогнут, слегка оплавлен). Его реконструируемый диаметр: не менее 7,2 см. Диаметр дрота: 0,43 см. Общий размер изделия: 6,5×15 см.

13. Браслет бронзовый с несомкнутыми(?) острыми концами, из округло-овального в сечении массивного дрота (рис. 6; рис. 8, 4). Окончания изделия ромбовидно расклепаны, в сечении линзовидные. На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий с рядами пунсонных точек между ними обозначены «глаза». «Зрачки» показаны оттиском штампа с рабочей частью в виде разомкнутого кольца (разомкнутые стороны оттисков обращены к центру голов). По их продольным осям от глаз к носу проведены линии из частых точек (в одном случае – с врезной линией слева). «Головы» змей отделены от «туловищ» двумя параллельными поперечными врезными линиями. Между ними и ближе к «глазам» – по оттиску того же штампа (их разомкнутые стороны противопоставлены «глазам»). «Туловища» украшены тремя продольными субпараллельными (на «спинах» и «боках») рядами оттисков штампа в виде разомкнутого кольца (их разомкнутые стороны на обеих частях изделия обращены в одном направлении). Браслет деформирован (разогнут). Его реконструируемый диаметр: 6,7 см. Размер сечения дрота: 0,40×0,50 см. Диаметр штампа: 0,32 см.

³³ Ср. Труфанов 2017, цв. вставка 2, 4.

³⁴ См. Минасян 2014, 179–182.

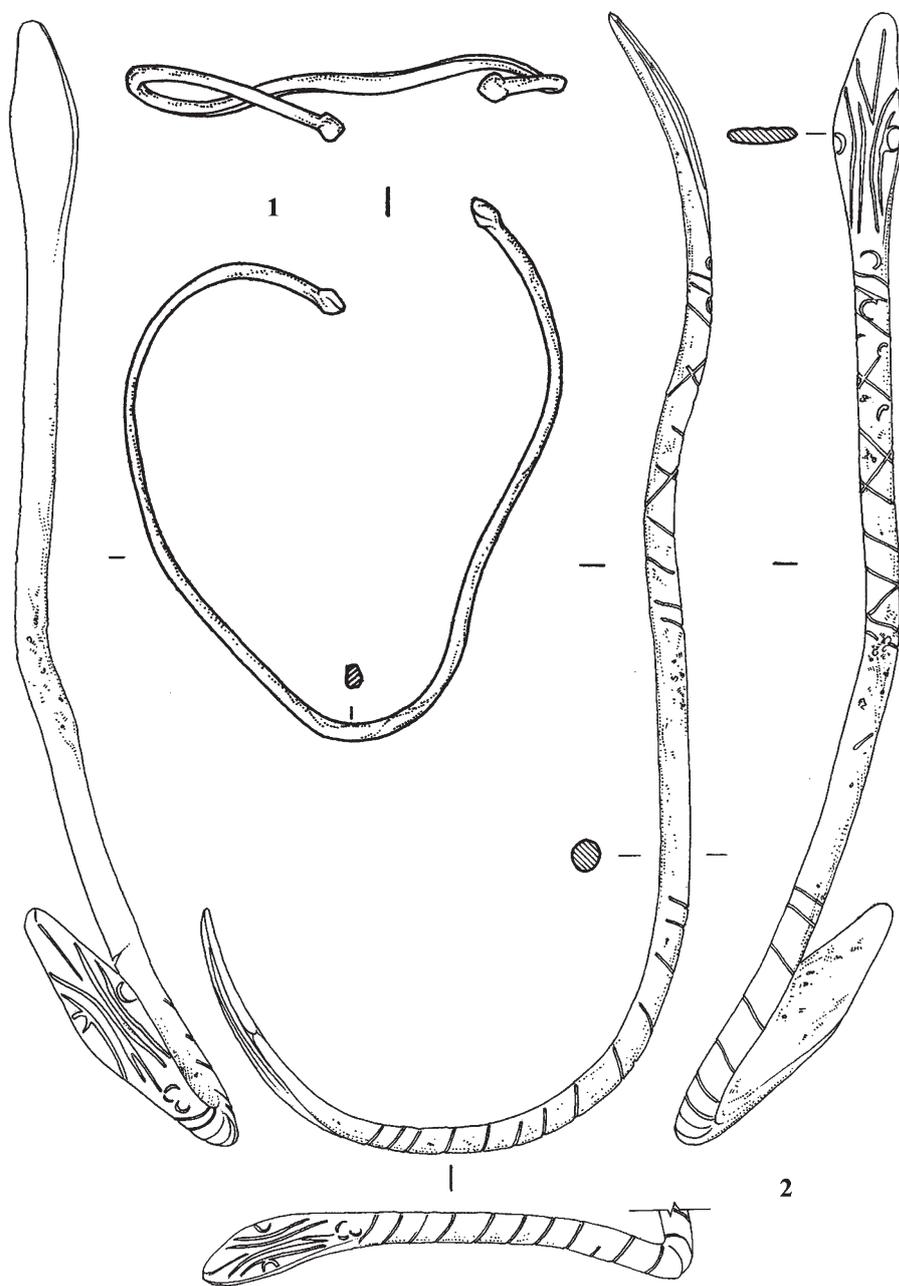

Рис. 5. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1–2 – бронзовые браслеты

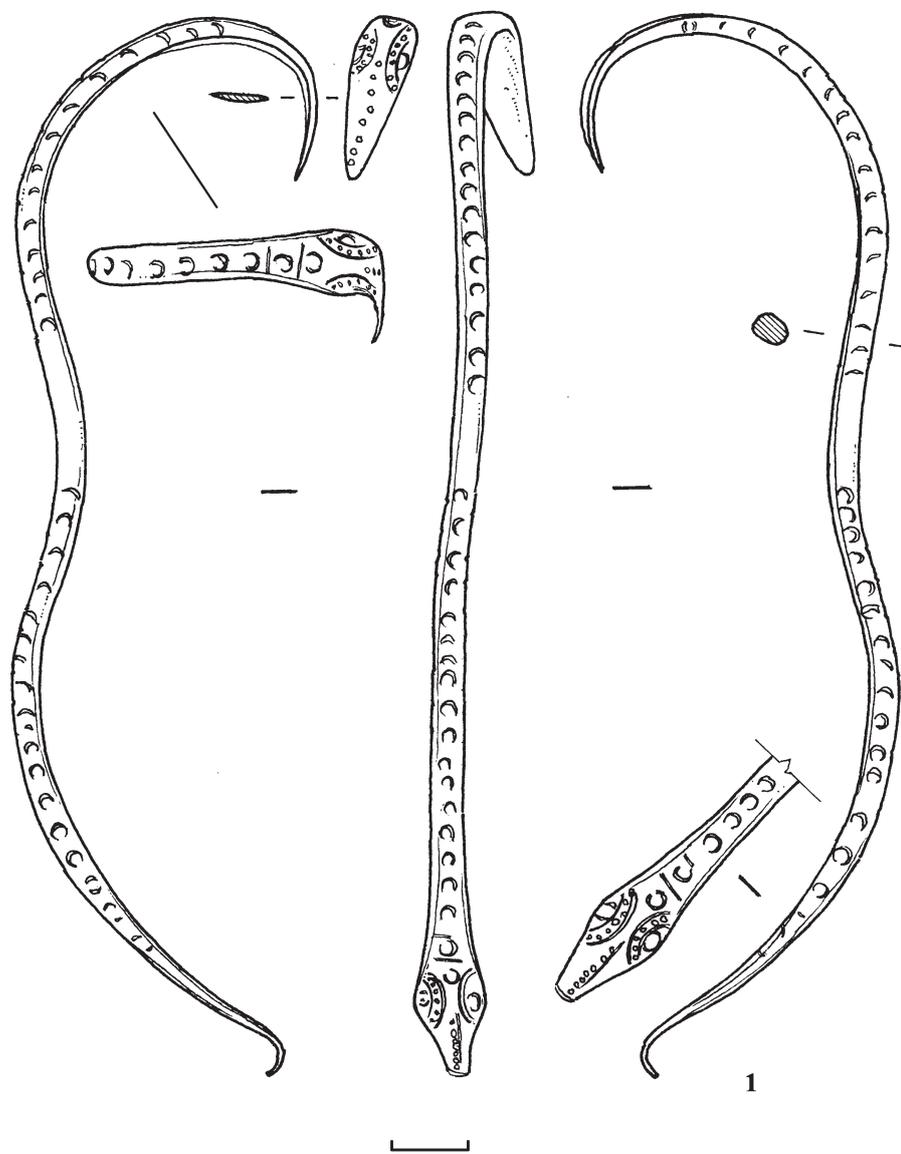

Рис. 6. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. Бронзовый браслет

14. Браслет серебряный, с несомкнутыми(?) концами, из округлой в сечении проволоки (рис. 4, 7; рис. 8, 5). «Проволока» изготовлена из нескольких более тонких(?): местами «подграненая», с продольными «швами» и частым поперечным «рифлением» (следы протаскивания через калибровочное отверстие?). Окончания ромбовидно расклепаны (с «обрезанными» концами), в сечении прямоугольные. На внешней поверхности «змеиных голов» парами концентрических дуговидных врезных линий обозначены «глаза», а по их продольным осям проведены врезные линии, поверх которых нанесены по семь и восемь пунсонных точек. На «туловища» нанесены три продольных субпараллельных (на «спинах» и «боках») ряда частых оттисков штампа с дуговидной рабочей частью, возможно имитирующих «чешую». Браслет деформирован (разогнут). Его реконструируемый диаметр: 5,7 см. Диаметр дрота: 0,24–0,30 см. Размер штампа: 0,11×0,19 см. Вес: 9,12 г.

15. Фрагмент серебряного браслета с петлей на конце (рис. 4, 6; рис. 7, 9). Изделие выполнено из тонкой проволоки: местами видны «технологические» продольные «швы» и «ребра» (следы протаскивания через калибровочное отверстие?). На основной части она подквадратная в сечении, тордированная, у края, из которого свернута петля – округлая и более тонкая. У основания петли свернута спиралевидная розетка-щиток (3 витка, ориентирована в той же плоскости). Остаток проволоки плотно обернут вокруг тордированной части изделия (10 витков). Минимальный диаметр проволоки: 0,08 см, размер прямоугольного сечения: 0,13×0,15 см. Сохранившаяся длина изделия: 3,27 см. Диаметр розетки-щитка: 0,62 см. Длина обмотки: 0,84 см. Вес: 1,05 г.

16. Браслет бронзовый, проволочный, разомкнутый (рис. 5, 1). Проволока в сечении близка к полуовалу. Окончания декорированы «шишечками». Изделие деформировано (изогнуто). Диаметр: около 5,85 см. Размер сечения: 0,18×0,24 – 0,22×0,29 см.

Перстни.

17. Фрагмент бронзового, литого(?) перстня (рис. 4, 4; рис. 8, 3). Гнездо для вставки (утрачена) овальное, кольцеобразное, со сквозным отверстием на тыльной стороне. Шинка пластинчатая, полуовальная в сечении, расширяется и утолщается к вставке. Часть ее (противопоставленная вставке) утрачена. Предмет деформирован, разогнут, обломан. Диаметр шинки: около 1,4 см, максимальная ширина: 0,67 см. Размер сечения: 0,05×0,11–0,17×0,36 см. Размер гнезда: 0,60×0,73 см. Общий размер: 1,05×2,24 см.

18. Перстень бронзовый, литой(?), с округлым кольцеобразным гнездом для вставки (утрачена) (рис. 4, 2). Шинка пластинчатая, утолщается к вставке. Изделие смято. Диаметр шинки: около 1,75 см. Размер сечения шинки: 0,02×0,07 – 0,12×0,38 см. Диаметр гнезда: около 0,7 см.

19. Фрагмент бронзового, литого(?) перстня (рис. 4, 3). Гнездо для вставки (утрачена) овальное, кольцеобразное, со сквозным отверстием на тыльной стороне. Шинка пластинчатая, полуовальная в сечении, расширяется и утолщается к вставке. Перстень деформирован, часть гнезда утрачена. Диаметр шинки: около 1,4–1,5 см, максимальная ширина: 0,26 см. Размер сечения: 0,07×0,12 – 0,22×0,06 см. Размер гнезда: 0,75×0,80 см. Общий размер: 1,73×1,98 см.

Среди 19 учтенных артефактов представлено 5 категорий и 14 типов изделий. В связи с этим можно заключить, что металлические украшения костюма в материа-

Рис. 7. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1, 4, 6 – серьги. 2 – накладка на диадему. 3 – индикация. 5, 7, 8 – подвески. 9 – фрагмент браслета. Фото

лах святилища римского времени Эклизи-Бурун сравнительно немногочисленны, и хотя репрезентативность выборки объективно оценить сложно, исходя из ее относительного разнообразия можно предполагать, что жертвовались они окказионально (ситуативно, «по случаю»). Подобная ситуация наблюдается и по результатам изучения святилища Гурзуфское Седло³⁵. 14 вещей (73,7%) деформировано (погнуто, смято, сломано), четыре (21,0%) – целые, одна (5,3%), возможно, создана непосредственно в процессе посвящения. Принимая во внимание категорию объекта, на котором сделаны находки, можно предполагать, что абсолютное большинство этих предметов перед археологизацией использовалось в «живой» культуре.

КУЛЬТУРНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ

Учитывая контекст, в котором обнаружены публикуемые артефакты (существенно разрушенный открытый комплекс), при выяснении их хронологической и культурной принадлежности, приходится ориентироваться на территориально и хронологически широкой круг аналогий из закрытых комплексов других памятников.

Элементы головных уборов

Диадемы, украшенные бронзовыми накладками с рельефным орнаментом в виде выпуклых точек (рис. 3, 1; рис. 7, 2), а также их элементы, использованные вторично (например, согнутые в пронызи и включенные в состав браслета), в римское время известны только в Крыму³⁶, исключительно по погребальным контекстам. При обнаружении пластин *in situ*, они располагались в ряд на лбах погребенных³⁷, на некотором расстоянии друг от друга, по 4–17 штук. Содержавшие их комплексы сравнительно немногочисленны, выявлены при исследовании могильников Позднекифской археологической культуры и «раннего горизонта» группы памятников «Озерное – Инкерман» (зафиксировано пока не более шести случаев на одном), а также некрополей с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2 и Чатыр-Даг (рис. 2). Захоронения в основном женские, некоторые детские³⁸. По археологическим материалам традиция ношения диадем, украшенных такими пластинами, датируется I в. до н.э.(?) – сер.(?) III в. н.э.³⁹ Возможно, существовала региональная специфика в их декоре. Так, большинство опубликованных накладок, обнаруженных в Предгорьях, насколько можно судить по не всегда качественным рисункам, украшено одной крупной «выпуклостью»⁴⁰, часто

³⁵ Здесь представлены те же категории металлических украшений: Новиченкова 2015, 54–67.

³⁶ Ряд исследователей видит прямые аналогии этим украшениям в древностях эпохи переселения народов / раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Это интерпретируется как свидетельство либо контактов между населением двух регионов (Крым, лесная зона Восточной Европы) во 2 пол. III в. н. э. (Храпунов 1998, 235; 2006, 169; 2011, 37), либо «притока нового населения с берегов «Венедского залива» на берега Черного моря» (Мыц и др. 2006, 157–158). Однако в комплексах лесной зоны Восточной Европы такие пластины используются в составе сложных головных уборов, конструктивно и стилистически существенно отличающихся от крымских. В связи с этим высказанные предположения без специального культурологического анализа представляются преждевременными.

³⁷ Храпунов 1998, рис. 1, II, 12; 2004, рис. 25, 2, 27; 2006, рис. 4, 10.

³⁸ Храпунов 2006, 168–169.

³⁹ Стоянова 2011, 124–125.

⁴⁰ Сымонович 1983, рис. XXIX, 37–39; Мульд 1999, рис. 8, 3; Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, рис. 4, 9; Пуздровский 2007, рис. 120, 4, 6, 14.

в одном⁴¹ и иногда в двух⁴² кругах из мелких точек. Реже встречаются экземпляры с двумя расположенными горизонтально точками⁴³. В одном детском комплексе на каждой пластине находилось по восемь(?) крупных точек⁴⁴. В то же время на «южнобережных» накладках видны по две расположенные горизонтально⁴⁵ или вертикально⁴⁶ (как и на предмете из Эклизи-Бурун) крупные точки, заключенные в несколько (два или три) кругов и/или овалов из мелких точек⁴⁷. В Предгорьях аналогичные отмечены лишь в ближайшем к горе Чатыр-Даг могильнике Перевальное⁴⁸, где зафиксирована наибольшая плотность таких находок (в 20% изученных погребальных сооружений).

Получить объективное представление о социальном статусе погребенных с рассматриваемыми элементами диадем во многих случаях сложно, поскольку археологические контексты их обнаружения либо представляют собой заполнение склепов с многоактными захоронениями, где инвентарь невозможно соотнести с каждым из них⁴⁹, либо ограблены⁵⁰, либо не опубликованы⁵¹. Среди доступных для анализа комплексов присутствуют как «стандартные»⁵² для содержавших их могильников⁵³, так и выделяющиеся по другим (помимо элементов диадем) признакам. В Восточном некрополе Неаполя скифского одна из бронзовых накладок⁵⁴ найдена в контексте с другими редкими погребальными приношениями, в том числе бронзовой деталью веера⁵⁵. В некрополе Нейзац в могиле № 59 среди разнообразных и многочисленных предметов кроме пластин от диадемы выявлены железные детали шкатулки, бронзовая «скульптурка» и обрывок кольчуги(?)⁵⁶ (подобные зафиксированы при исследовании семи предгорных могильников, по 1–3 случая в каждом)⁵⁷, а детское захоронение в могиле № 25 сопровождала единственная на памятнике меловая «скульптурка»⁵⁸. В могильнике Лучистое-2 набор накладок обнаружен в трупосожжении, которое, по степени сложности по-

⁴¹ Храпунов 1998, рис. 2, 31; 2011, рис. 34, 5–14; Мульд, Масыкин 2003, рис. 3, 1; Пуздровский 2007, рис. 120, 12.

⁴² Пуздровский 2007, рис. 120, 10.

⁴³ Храпунов 2004, рис. 26, 10; Пуздровский 2007, рис. 120, 5.

⁴⁴ Храпунов 2006, рис. 36, 5, 7, 11.

⁴⁵ Мордвинцева, Лысенко 2016, рис. 2, 1–11. В контексте погребения 2 (женское) могилы 13 некрополя Лучистое-2 (раскопки 2015 г., материалы не опубликованы) выявлено десять мелких бронзовых накладок с одной точкой в одном(?) круге, украшавших кожаный браслет(?) (защищены in situ вокруг костей левого предплечья ниже его середины).

⁴⁶ Мыц и др. 2006, табл. 17, 1.

⁴⁷ Создается впечатление, что накладки с вертикальным расположением крупных точек выявлены в наиболее «поздних» контекстах («ранняя» часть Чатыр-Дагского некрополя, один из склепов могильника Перевальное), верхняя дата которых, видимо, находится позже сер. III в. н.э.

⁴⁸ Пуздровский 2007, рис. 120, 2, 7–9, 11.

⁴⁹ Сымонович 1983, 91 склеп 67; Мульд, Масыкин 2003.

⁵⁰ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 108–109 могила 3.

⁵¹ Пуздровский 2007, рис. 120.

⁵² Мордвинцева 2015, 115; 2018.

⁵³ Храпунов 1998, 232–235.

⁵⁴ Сымонович 1983, 91, рис. XXIX, 39.

⁵⁵ Сымонович 1983, 67 могила 56, рис. XXXVIII, 34.

⁵⁶ Возможно, использовались в качестве апотропеев. Храпунов 2004, рис. 26, 6; 28, 2–11; 2011, 34.

⁵⁷ Лит см. Храпунов 2010.

⁵⁸ Храпунов 2006, 168, рис. 36, 4.

гребального сооружения⁵⁹, видимо, можно охарактеризовать как неординарное⁶⁰. В Чатыр-Дагском некрополе в комплексе с элементами диадемы найдено сравнительно большое количество других предметов, в частности бронзовые и серебряные монеты. Могила с этим погребением располагалась в пределах участка, использовавшегося для размещения останков людей, вероятно занимавших сравнительно высокое социальное положение⁶¹. Принимая во внимание специфичность перечисленных контекстов, а также редкость таких находок по отношению к общему числу женских погребений, изученных в пределах большинства упомянутых некрополей, можно отнести бронзовые детали диадем к маркерам социального престижа, а сами погребения предположительно считать принадлежащими элите локального(?) уровня⁶².

Узкие пластины с рельефным орнаментом и крючками на концах (рис. 3, 2–3), возможно, являются составными частями диадем или венков. Все опубликованные украшения этой категории и их детали изготовлены из золота. По мнению М. А. Абрамзона, «в римское время золотые венки становятся почти всегда обязательным элементом инвентаря мужских погребений»⁶³. Известны они и в женских комплексах античных некрополей этого периода⁶⁴. В «варварских» контекстах Крыма в первые века н.э.⁶⁵ золотые венки маркировали погребения элиты надлокального уровня вне зависимости от гендерной принадлежности⁶⁶. К этому же времени, видимо, относятся находки деталей золотых венков на святилище Гурзуфское Седло⁶⁷. Изделия, морфологически близкие рассматриваемым, по мнению исследователей характерны в основном для полиса Херсонес⁶⁸, хотя они представлены и в комплексах Азиатского Боспора. Датируют такие ленты I в. до н.э. – III в. н.э. (большинство – I в. до н.э. – I в. н.э.). Серебряные предметы такого рода фиксируются впервые. Технология изготовления, форма и конструкция пластин из святилища Эклизи-Бурун сходны с золотыми аналогами из Херсонеса⁶⁹ и Усть-Альминского могильника⁷⁰. В некрополе Херсонеса, при обнаружении на лобных повязок *in situ*, пластины располагались по одной или по две на лбах погребенных. Их длина – 10–15 см. Публикуемые изделия в два-три раза короче и

⁵⁹ На изученной части некрополя конструктивно наиболее сложная могила с одиночным захоронением (№ 9).

⁶⁰ Мордвинцева, Лысенко 2016, 10, рис. 1, 2, 1–12.

⁶¹ Мыц и др. 2006, 14–15, 106, табл. 17, 18.

⁶² О принципах и методах выделения погребальных памятников элиты см. Мордвинцева 2018 с литературой.

⁶³ Абрамзон 2015, 184.

⁶⁴ В качестве примера можно привести погребения некрополей Горгиппии: п. 18 и п. 52 по ул. Терской (в п. 18 листики венка найдены совместно с погребальным нагрудником, а в п. 52 – с золотыми бусами), п. 7 раскопа «Теплотрасса» (листья венка найдены совместно с золотыми бусами).

⁶⁵ В некрополях Боспора и Херсонеса римского времени находки золотых деталей погребальных венков довольно часты (Мордвинцева 2009, 434–435). Но, поскольку анализ социальной структуры античных некрополей этого периода не проводился, роль венков как маркера социального ранга пока не ясна.

⁶⁶ Мордвинцева 2017b, 26.

⁶⁷ Новиченкова 2015, 30, 62, 66 рис. 110, 13, 14; 111.

⁶⁸ Пятыхшева 1956, 66.

⁶⁹ Пятыхшева 1956, 65; Журавлев и др. 2017, табл. 2, 10–13; табл. 3, 17, 19–22, 24.

⁷⁰ Пуздровский, Труфанов 2017b, рис. 143, 7.

заметно жестче большинства золотых лент⁷¹. В связи с этим установить конкретный способ их использования сложно. Также, по причине единичности находок, отсутствуют четкие представления о периоде бытования таких предметов.

Прямоугольная серебряная позолоченная пластина с оттиском монеты Гордиана III (рис. 3, 4; рис. 7, 3) могла использоваться как центральный элемент венка или диадемы. Подобные артефакты находят практически исключительно в погребальном контексте, при раскопках памятников античной культуры Балкан, Малой Азии и, особенно, Северного Причерноморья⁷², в частности некрополей полисов Ольвия и Херсонес, а также Боспорского государства, где их найдено наибольшее количество⁷³. Абсолютное большинство венков и отдельных индикаций выполнено в листовом золоте. Из боспорских находок практически все изданные пластины с индикациями, являвшиеся частями составных венков, крепившимися различными способами к трубке, узкой ленте металла или основе из органического материала – круглые⁷⁴. Опубликованные погребальные венки из относительно широкой полосы листового металла (фрагментом одного из таких мог быть рассматриваемый предмет) помимо аппликаций или тисненого декора в виде листьев сплошную украшены тонкими тисненными изнутри линиями⁷⁵, однако на пластине из Эклизи-Бурун дополнительный орнамент отсутствует. В связи с этим, видимо, нельзя полностью исключить возможность того, что изделие представляет собой обренок обивки саркофага, для которой использовалась и «гладкая» полоса металла с различными оттисками (в том числе с монет)⁷⁶. В то же время прямоугольные детали венков, в частности с индикациями без иного декора, в Крыму представлены в материалах Херсонеса⁷⁷.

В Северном Причерноморье наиболее многочисленны индикации, по монетам-матрицам и/или контексту находки, датирующиеся римским временем. Многие из них сняты с аверсов иностранных по отношению к месту обнаружения монет⁷⁸, с их лицевых сторон, на которых изображены римские императоры. На некоторых представлены редкие для места находки или малотиражные / экстраординарные выпуски⁷⁹, что указывает на специфическую мотивацию при их отборе. Пытаясь определить назначение оттисков исследователи отмечают их многофункциональность, а касаясь мотивов изготовления индикаций и выбора матриц указывают на их неразделенность и называют следующие: вызванные необходимостью соблюдения институализированных норм погребального обряда⁸⁰; связанные с демонстрацией или повышением статуса покойного⁸¹; обусловленные

⁷¹ На территории Азиатского Боспора найдены и более короткие экземпляры, по размерам сопоставимые с обнаруженными на Эклизи-Бурун (например, из п. 15 раскопа «Теплотрасса» некрополя Горгииппи, раскопки 1979 г. №№ AZ-67–77 в описи краеведческого музея Анапы, размер 5,5x1,1 см, 7,8x1,1 см, 8x1,7 см).

⁷² Коваленко 2015, 16.

⁷³ Калашник 2013, 85; Абрамзон 2015, 182.

⁷⁴ Калашник 2013, рис. 2, 6а, 6б; Абрамзон 2015, рис. 3, 3.

⁷⁵ Абрамзон 2015, рис. 1; 2; 3, 1, 2; Коваленко 2015, табл. II, 9, 10.

⁷⁶ См. ОАК за 1878–1879 гг., 38–39, доп. табл. 9; Коваленко 2015, табл. II, 3; Абрамзон 2015, 184.

⁷⁷ Журавлев и др. 2017, 173, 174, 179, 183, 188, кат. 361, 362, 388, 408, 438, табл. 96–100.

⁷⁸ Абрамзон 2015, 187.

⁷⁹ См. напр. Коваленко 2015, 19, 22–23.

⁸⁰ Калашник 2013, 89–92.

⁸¹ Калашник 2013, 85, 87; Коваленко 2015, 19–20.

желанием защитить умершего и, видимо, его живых родственников⁸²; указывающие на родину покойного (использование монеты из места его происхождения)⁸³; маркирующие его причастность к выдающимся событиям (использование монет или медальонов, выпущенных к событию или в память о нем, полученных в уплату за службу, с изображением правителя, которому служил умерший)⁸⁴.

Индикации римских монет на Боспоре представлены оттисками с выпусков от начала принципата (Август, 31 г. до н.э. – 14 г. н.э.) до правителей Западной Римской империи (Валентиниан III, 425–455 гг.), большинство – периода от Антонинов до Валентиниана II и Валента, что совпадает со временем основного притока римских монет на Боспор⁸⁵. В Херсонесе обнаружены индикации монет от Траяна (98–117 гг.) до императоров эпохи тетрархии (кон. III – нач. IV в.), большинство – времени Северов, что соответствует третьему этапу римского военного присутствия на территории полиса⁸⁶. Оттисков с монет Гордиана III известно два. Из Херсонеса – на круглой пластине, с аверса, аналогичного публикуемому⁸⁷. Из некрополя Пантикапея-Боспора – на ленте венка⁸⁸. Рассматриваемый экземпляр, судя по форме пластины, изготовлен, скорее всего, в Херсонесе. Возможно, он использовался в том же изделии, что и серебряные листовидные пластины. Если это предположение верно (что, принимая во внимание уникальность находок, весьма вероятно), то венок, в состав которого они входили, датируется второй третью III в. н.э.

Учитывая не-погребальный контекст элементов диадемы из Эклизи-Бурун, нельзя исключать ее прижизненное использование подобно наградным венкам, известным по римским *dona militaria*⁸⁹. Не исключено, что наличие таких предметов в Крыму свидетельствует о причастности его населения (жителей Херсонеса и/или Боспора) к деятельности (службе?) в интересах Римской империи в период правления Гордиана III⁹⁰. Реконструировать обстоятельства и время попадания этого артефакта к адептам варварского святилища сложно: добыча от ограбления погребального комплекса(?)⁹¹; трофеей(?). В последнем случае это могло произойти во 2 трети III – 1 четв.-сер. IV в. н.э., например, в ходе событий, подобных предполагаемым / полуполюгендарным Херсоно-боспорскому Боспоро-херсонесским конфликтам, упомянутым византийским императором Константином Багрянородным в главе 53 трактата «Об управлении империей»⁹².

⁸² Пятыхшева 1956, 69; Калашник 2013, 87; Коваленко 2015, 18.

⁸³ Анохин, Сон 2016, 94.

⁸⁴ Коваленко 2015, 23; Burgunder 2018, 28–30.

⁸⁵ Абрамзон 2015, 188–189.

⁸⁶ См. Костромичев 2011, 116–118; Анохин, Сон 2016, 93–94; Журавлев и др. 2017, 174–179.

⁸⁷ Журавлев и др. 2017, кат. 386.

⁸⁸ ОАК за 1904 г., 72, рис. 108; Шкорпил 1907, 34, рис. 11; Кропоткин 1961, 64, № 599. Видны изображение и круговая легенда: бюст молодого безбородого императора в венке или лучистой короне, драпировке и кирасе(?) вправо; Μ ΑΝΤ ΓΟΡΔΙΑΝΟΣ ΑΥΓ. Тип аверса характерен для медных монет императора Гордиана III (238–244 гг. н.э.), чеканившихся в западной части провинции Вифиния-Понт (в Пафлагонии и Вифинии), в городах Амастрия, Инополис, Халкедон, Сиус, Никея, Тиум (см. напр. Sear 2010, 353, № 3662, 3663, 3667, 3671, 3674).

⁸⁹ Maxfield 1981.

⁹⁰ Ср. Burgunder 2018.

⁹¹ О возможных первых ограблениях комплексов некрополя Пантикапея-Боспора см., например, Лысенко, Юрочкин 2004, 129.

⁹² Const. Porph., De adm. imp., 53, 124–161. См. Сидоренко 1994, 66–67; Юрочкин 1999; 2002b, 282; Труфанов, Юрочкин 1999, 338–343; Анохин 1999, 176; Грацианская 2004 и др.

Серьги

Две серьги, обнаруженные на святилище (рис. 3, 7–8; рис. 7, 1, 6), относятся к типу проволочных с замком «петля-крючок» (loop-and-hook), распространенному в римское время на всей территории ойкумены⁹³, хотя в римских провинциях предпочтение отдавалось, видимо, серьгам с крючком, изогнутым в виде «S»⁹⁴. На такие кольца могли крепиться подвески или припаивался щиток.

Простые серьги типа «петля-крючок», изготовленные из золота, серебра и бронзы, в том числе из тордированной проволоки (рис. 3, 7; рис. 7, 1), довольно часто встречаются в женских погребениях античных («городских») и «варварских» некрополей в Крыму и за его пределами⁹⁵. Наиболее ранние находки таких изделий в некрополях Боспора зафиксированы в комплексах I в. до н. э., что соответствует хронологии серег этого типа в европейских погребальных контекстах⁹⁶. В могильниках Позднескифской археологической культуры Крыма они появляются в комплексах 2 пол. I в. до н. э.⁹⁷, а наиболее широко распространяются в первые века н.э., причем экземпляры из тордированной проволоки датируются сер. II – III в. н.э., преимущественно 1 пол. III в. н.э.

Золотые серьги с припаянным украшением известны в некрополях «городских» культур Северного Причерноморья. Все они происходят из женских погребений, интерпретируемых как принадлежащие элите⁹⁸. Полных аналогий изделию, обнаруженному на святилище Эклизи-Бурун (рис. 3, 8; рис. 7, 6), найти пока не удалось. Сходные экземпляры со щитком, выполненным в виде «Герakлоva узла», но без центральной вставки, весьма редки. Две серьги хранятся в собрании ГИМ, одна из них происходит из некрополя Херсонеса и датируется II в. н. э.⁹⁹ Сочетание «Герakлоva узла» и напаянного в его центре каста со стеклянной вставкой отмечено на серьгах, обнаруженных в женском погребении 2 раскопа по ул. Астраханская 9 на некрополе боспорского города Горгиппия¹⁰⁰. Однако их дужка оформлена иначе – из спаянных двух тордированных и одной гладкой проволоки. По оформлению дужки близкую аналогию серьге из Эклизи-Бурун составляет золотое украшение из детского погребения № 442/1894 I в. н.э. некрополя Херсонеса, у которого дужка спаяна из двух жгутов, каждый из которых сплетен из двух проволок¹⁰¹. Таким образом, судя по технологическим признакам, обнаруженный на святилище экземпляр изготовлен, скорее всего, в Херсонесе.

Находки крупных серебряных серег со стилизованной головкой хищника на одном из окончаний (рис. 3, 5) концентрируются в «варварских» комплексах вершины и южного макросклона центральной части Главной гряды Крымских гор: на святилище Гурзуфское Седло (парные, атрибутированы автором раскопок

⁹³ Allason-Jones 1989, 8 Type 9; Popović 1997, 26 Type I.2, II.1–3.

⁹⁴ Popović 1997, 26 Type III–IX.

⁹⁵ Корпусова 1983, табл. IV, 18–19; V, 10; VI, 10; X, 31–31; XI, 14, 21; XII, 14; XV, 13; XVII, 19; XXX, 5, 18; XXXVI, 5; XLI, 15; XLV, 3; Журавлев и др. 2017, табл. 10, 59; 11, 60; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 143, 3; 156, 8; 2017а, рис. 237, 3–4; Гущина, Журавлев 2016, табл. 149, 11, 12; Мульд, Масыкин 2003, рис. 5, 17–20; Храпунов, Масыкин, Мульд 1998, 152, рис. 26, 16, 17.

⁹⁶ Allason-Jones 1989, 8.

⁹⁷ Труфанов 2009, 228.

⁹⁸ Мордвинцева 2009, 434–435.

⁹⁹ Журавлев и др. 2017, табл. 11, 79, 80; 12, 80.

¹⁰⁰ Не опубликованы, № КМ 12132/114–115 в хранении КГИАМЗ.

¹⁰¹ Mordvinceva, Treister 2007, Kat. A331.1 Taf. 46.

как браслеты или височные кольца)¹⁰², на территории поселения Чатыр-Даг-2 – Чатыр-Дагского некрополя¹⁰³, в женском погребении 1 могильника Лучистое-2 (пара)¹⁰⁴, т.е. практически на всех более или менее изученных археологических памятниках региона римского времени. Пары сходных изделий обнаружены при исследовании могилы 67 Восточного некрополя Неаполя скифского¹⁰⁵, погребения 9 склепа 974 Усть-Альминского некрополя, принадлежавшего подростку 15–18 лет, судя по набору инвентаря – женского пола¹⁰⁶, в некрополе Левадки¹⁰⁷. Аналогичные украшения происходят также из погребений 27 и 49 некрополя Гор-гиппии по ул. Астраханская¹⁰⁸. По контексту такие предметы датируются кон. I–II – сер. III в. н.э.¹⁰⁹ Они встречены как в «элитных» (Лучистое-2), так и в предположительно «стандартных» (Усть-Альма) комплексах.

Подвижные подвески в конструкции кольцеобразных серег в целом характерны для римского времени¹¹⁰. Вторичное использование поврежденных элементов римского военного снаряжения, в основном декоративных деталей ременной гарнитуры, известно по комплексам 2 пол. II – 1 пол. III в. н.э. Позднескифской археологической культуры Юго-Западного и Центрального Крыма, а также «биритуальных» могильников окрестностей полиса Херсонес¹¹¹. Фрагменты предметов вооружения, в том числе окончания оковок ножен относительно «древних» мечей типа Майнц, обнаружены на одном некрополе (Усть-Альминском), в женских и детских погребениях, куда они, видимо, были помещены как амулеты¹¹². Исследователи обычно полагают, что римские вещи, послужившие «сырьем» для таких изделий, оказались у «производителей» случайно, в частности как военные трофеи¹¹³. Помимо Крыма подобное явление прослежено также на территории Венгрии¹¹⁴ и в ареале Черняховской археологической культуры¹¹⁵. На святилище Гурзуфское Седло найден крупный фрагмент железной оковки ножен меча типа Майнц, присоединенный к согнутому в кольцо бронзовому стилю. На этом же памятнике отмечены и другие случаи соединения друг с другом предметов, один из которых свертывался в кольцо¹¹⁶. Таким образом, использование фрагментов римского оружия для изготовления нефункциональных сложных вещей зафиксировано пока только на двух святилищах центральной части Горного Крыма.

Золотое проволочное кольцо (рис. 3, 6; рис. 7, 4) могло использоваться и как височная подвеска, и как серьга. Находки колец из золотой, серебряной и медной

¹⁰² Новиченкова 2002, 72, рис. 32, 15.

¹⁰³ Лысенко 2004а, рис. 2, 10.

¹⁰⁴ Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, рис. 9, 9–10.

¹⁰⁵ Сымонович 1983, 92, табл. XXXI, 5.

¹⁰⁶ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 18, 16, 17.

¹⁰⁷ Muld 2013, 329 Abb. 7р. Из публикации не ясно, из какого погребального сооружения происходит серьга и, соответственно, контекст находки.

¹⁰⁸ Алексеева 1982, 72, рис. 40, 4.

¹⁰⁹ Серьги рассматриваемого типа иногда сопоставляют с серьгами с цельнометаллическим пластинчатым щитком (Храпунов 2011, 44, рис. 47, 5–8).

¹¹⁰ См., например, Журавлев и др. 2017, табл. 14; Пуздровский, Труфанов 2016: рис. 49, 3.

¹¹¹ Масыкин 2007, 131–132; Костромичев 2018, 109–110.

¹¹² Масыкин 2012, 171, рис. 3, 1, 2, 19, 21.

¹¹³ См. Масыкин 2007, 132–133; Костромичев 2018, 112–113.

¹¹⁴ Лит. см. Масыкин 2007, 132.

¹¹⁵ Лит. см. Костромичев 2018, 112.

¹¹⁶ Новиченкова 2015, 26.

проволаки с переплетенными концами известны в римских провинциях¹¹⁷. В памятниках Крыма точных аналогий экземпляру из Эклизи-Бурун нет. По конструкции с ним сходны бронзовые височные кольца из женских и детских погребений Позднескифской археологической культуры¹¹⁸. В «городских» культурах Крыма (Боспорское царство и полис Херсонес) такие украшения не обнаружены. Факт изготовления височного кольца из золота позволяет считать его маркером социального престижа.

Подвески

Подвески в виде лунниц были особенно популярны в римский период. Различные их виды находят в женских и детских комплексах этого времени по всей территории ойкумены. Тип, к которому принадлежит лунница из святилища Эклизи-Бурун (рис. 2, 1; рис. 7, 5), демонстрируют экземпляры из золотого, серебряного и бронзового дрота, отлитые в форме буквы «С», обычно ромбовидные в сечении, украшенные утолщениями на концах и, иногда, зернью в месте припоя петли для подвешивания¹¹⁹. Они обнаружены в погребениях Позднескифской археологической культуры¹²⁰, в культурных напластованиях городища Неаполь Скифский 2 пол. I – сер. / 3 четв. II в. н.э.¹²¹, на святилище Гурзуфское Седло¹²², в южнобережном могильнике с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2¹²³, в некрополях Херсонеса и Боспора¹²⁴. В I–II вв. н.э. часто использовались как центральные подвески ожерелий. За пределами Крыма подобные артефакты найдены в культурном слое боспорского города Горгиппия¹²⁵, в разрушенном погребении у поселка Лоо на восточном побережье Черного моря¹²⁶, в кургане 11 могильника Авилковский-II¹²⁷ и у с. Косика в Нижнем Поволжье¹²⁸, в Грузии¹²⁹. Подвески, сходные с рассматриваемыми, обнаружены также на территории Римской империи в контекстах I–II вв. н.э., в том числе в Помпеях¹³⁰. Они изображены на погребальных портретах II в. н.э. из Фаюма¹³¹. Размеры лунниц этого типа различны, экземпляр из Эклизи-Бурун – наиболее крупный из известных. Приближающиеся к нему по размеру серебряные и бронзовые подвески происходят из Усть-

¹¹⁷ Allason-Jones 1989, Type 3; Popović 1997, Type I.3, I.4.

¹¹⁸ Гущина, Журавлев 2016, табл. 48, 9, 10; табл. 220, 1; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 52, 1; Сымонович 1983, табл. XXXI, 36.

¹¹⁹ См. также Труфанов 2009, 234; Стоянова 2016, 135–138.

¹²⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 27, 24; 160, 11; 2017а: рис. 13, 42; 185, 1; 197, 23; 2017б, рис. 38, 7; 67, 10; Зайцев и др. 2007, рис. 17, 11–13; Труфанов 2018, рис. 5, 5; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 27, 4; 29, 9; Зайцев и др. 2005, рис. 7, 5.

¹²¹ Зайцев 2003, 19, рис. 111, 4.

¹²² Новиченкова 2002, рис. 33, 19, 20.

¹²³ Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 328 рис. 14, 4–6.

¹²⁴ Пятыхшева 1956, 55–56, № 5, рис. 16; Корпусова 1983, табл. X, 27; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 27, 4; 29, 9; Зайцев и др. 2005, рис. 7, 5.

¹²⁵ Довольно крупный экземпляр, около 3 см шириной, обнаружен при раскопках Заповедника Горгиппии в 1990 г. (помещение 114), № AZ-178 в хранении краеведческого музея Анапы.

¹²⁶ Воронов 1979, 75, рис. 37, 3.

¹²⁷ Сергацков 2000, 86, рис. 102, 3–5.

¹²⁸ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, рис. 20, 11.

¹²⁹ Gogiberidze 2008, pl. 72, cat. 148, 151, 152.

¹³⁰ Pirzio, Stefanelli 1992, 106 № 70; 107 № 71; 162 № 173; 202 № 246.

¹³¹ Pirzio, Stefanelli 1992, 163, 174; Павлов 1965, табл. VIII.

Альминского могильника¹³² и некрополя Лучистое-2. При этом такая деталь, как листовидные «выемки», обрамляющие участок изделия, к которому крепились петля, зафиксирована только на экземплярах из некрополя Лучистое-2 и святилища Эклизи-Бурун. В большинстве комплексов, содержащих такие украшения, помимо элементов «стандартного набора» погребального инвентаря, присутствуют другие виды приношений и предметов костюма («расширенный стандарт»¹³³).

Бронзовые подвески в виде антропоморфной фигурки обнаружены в могильниках Позднескифской культуры¹³⁴, в комплексах I–III вв. н.э. Херсонеса и Боспора¹³⁵, на святилище Гурзуфское Седло.¹³⁶ Часто их находят в наборах по два экземпляра среди амулетов¹³⁷. А.А. Труфанов выделяет несколько вариантов таких подвесок¹³⁸. Предмет из Эклизи-Бурун относится к варианту «б», объединяющему «четкие геометризованные фигурки с острым завершением головы, символизирующим шлем»¹³⁹. Предположительно, северо-причерноморские антропоморфные подвески имеют позднелатенские прототипы¹⁴⁰, В.М. Зубарь считал их местными изделиями¹⁴¹. За пределами Крыма такие вещи практически не встречаются¹⁴². Они датируются, в целом, в пределах посл. трети I – сер. III в. н.э.¹⁴³, и появляются одновременно на памятниках Юго-Западного и Восточного Крыма, немного позже – в Центральной части Предгорий.

Бронзовые подвески в виде личины с петлей для подвешивания (рис. 7, 8), подобные изделию из Эклизи-Бурун, обнаружены в детских погребениях некрополей Позднескифской археологической культуры Крыма, преимущественно в Усть-Альминском (четыре комплекса)¹⁴⁴. Время их бытования по актуальным на сегодняшний день сведениям ограничивается рамками 2 трети – кон. II в. н.э., за пределами Юго-Западного Крыма они не встречаются¹⁴⁵. Большинство учтенных экземпляров объединяет близкое сходство. Они различаются лишь врезным орнаментом головного убора и, немного, общими контурами. Более существенно, четкостью рельефа и тремя крупными выступами по бокам и снизу, отличается один из них¹⁴⁶. По форме он схож с крышками римских висячих замков,¹⁴⁷ оформленными в виде выпукло-вогнутых «масок», которым производители, воз-

¹³² Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 13, 42; 185, 1; 197, 23.

¹³³ Далее «стандарт+».

¹³⁴ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 39, 6; 150, 4; 2017а, 13, 40; 94, 11, 12; 100, 5; 116, 3, 4; 137, 3; 159, 5, 6; 168, 6, 7; 215, 7, 8; 234, 7, 8; Гущина, Журавлев 2016, табл. 79, 2, 3; 140, 6, 7; Сымонович 1983, табл. XIX, 1, 3, 4; Храпунов 2011, рис. 35, 19–23.

¹³⁵ Зубарь 1982, 100 рис. 66, 1–8, 10.

¹³⁶ Новиченкова 2015, 48, рис. 80, 2, 3.

¹³⁷ Труфанов 2009, 231.

¹³⁸ Труфанов 2011, 228–231.

¹³⁹ Труфанов 2011, 228.

¹⁴⁰ Трейстер 1992, 46.

¹⁴¹ Зубарь 1982, 101.

¹⁴² Труфанов 2011, 233.

¹⁴³ Лит. см. Стоянова 2016, 134.

¹⁴⁴ Труфанов 2009, 231.

¹⁴⁵ Труфанов 2011, 239.

¹⁴⁶ Труфанов 2011, рис. 4, 76.

¹⁴⁷ Schönberger 1956. Благодарим В. В. Масыкина за то, что он обратил наше внимание на эту публикацию.

можно, приписывали апотропеические свойства¹⁴⁸. Конструкцией этих изделий изначально предусмотрена петля, располагавшаяся в области «темени» личины и являвшаяся частью шарнира замка, что в случае необходимости (например, при «перекодировке» предмета в иной культурной среде) облегчало возможность использования крышек в качестве подвесок. Такие замки были распространены в кон. I – II в. н.э. и, возможно, использовались до IV в. н.э.¹⁴⁹ Как отмечает автор посвященной этим предметам публикации, ни один из известных ему экземпляров в точности не повторяет другой. Учитывая все перечисленные обстоятельства, видимо, нельзя исключать того, что изначально прототипом (шаблоном) при изготовлении рассматриваемых вещей послужила одна крышка римского навесного замка. Вследствие изменения функционального назначения формальные особенности типа в процессе репродуцирования (видимо в каждом случае малотиражного), сопровождавшегося корректированием образцов, постепенно модифицировались в сторону упрощения контура и сглаживания рельефа. Косвенно эти предположения подтверждаются узостью ареала и хронологического диапазона таких артефактов.

Подвески в виде «личин» и антропоморфных фигурок содержатся, как правило, в погребениях детей с предполагаемым социальным статусом «стандарт+».

Браслеты

Обнаруженные среди вотивов святилища Эклизи-Бурун браслеты представлены тремя типами. Три экземпляра с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 4, 7; рис. 5, 2; рис. 6; рис. 8, 4–5) относятся к типу IX по Т.Н. Высотской¹⁵⁰. Эта разновидность браслетов – наиболее многочисленная среди наручных украшений из варварских погребений Крыма I–III вв. н.э. По форме и особенностям орнаментации окончаний они относятся к типам V и VI-A классификации А.А. Труфанова, характерным соответственно для I – 1 пол. II и II вв. н.э. (тип VI-A иногда встречается в контекстах кон. II – 1 пол. III в. н.э.)¹⁵¹. Наиболее близкие украшения найдены в женских и, реже, детских погребениях¹⁵² некрополей Позднескифской археологической культуры¹⁵³, а также в южнобережном могильнике с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2¹⁵⁴. В небольшом количестве браслеты со змеевидными окончаниями обнаружены в некрополях Херсонеса¹⁵⁵ и Боспора¹⁵⁶.

В.М. Зубарь приводит аналогии крымским «змеевидным» браслетам из памятников Румынии, Венгрии, Югославии, Германии, Италии и Австрии¹⁵⁷, одна-

¹⁴⁸ Schönberger 1956, 89–91.

¹⁴⁹ Schönberger 1956, 93–94.

¹⁵⁰ Высотская 1994, 112.

¹⁵¹ Труфанов 2001, 75–76.

¹⁵² В одном случае пол погребенного определен антропологом как мужской (Пуздровский, Труфанов 2016, 71 могила 1045).

¹⁵³ Гушина, Журавлев 2016, табл. 31, 9; 55, 7; 56, 16; 63, 5; 73, 13; 74, 7, 13; 77, 7; 105, 8; 114, 2; 142, 10; 164, 7; 171, 6, 7; 185, 6; 209, 2; 216, 14; 222, 8, 10, 12; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 16, 18; 16, 1, 2; 17, 2; 18, 2, 4; 39, 13; 68, 5, 6; 85, 5, 6; 143, 11; 181, 5, 6; 2017а, рис. 12, 28; 38, 1; 78, 4; 95, 5; 100, 1; 194, 8; 197, 1–4; 202, 10, 11; 234, 2, 4; 2017б, рис. 11, 17; 27, 8; 215, 10; Зайцев и др. 2005, рис. 9, 18; 2007, рис. 3, 4, 5; 4, 1; 5, 3; 6, 1; 9, 4, 7; 10, 1; 17, 24, 25; 21, 16; 27, 1, 2.

¹⁵⁴ Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, рис. 17, 1, 2.

¹⁵⁵ Зубарь 1982, 96, 97 рис. 62.

¹⁵⁶ Корпусова 1983, табл. XIII, 8, 12; XXVII, 2, 3; Арсеньева 1977, табл. XXXIII, 1, 7, 8.

¹⁵⁷ Зубарь 1982, 96.

ко это сходство заключается только в самом факте оформления окончаний в виде змеиных голов, что свидетельствует, скорее, о моде на такие изделия в римских провинциях и за пределами лимеса. По форме и стилю орнаментации они отличаются от крымских. В могильниках варваров Крыма бронзовые и серебряные браслеты, подобные публикуемым, обнаружены в погребениях, где помимо элементов «стандартного набора», присутствуют другие виды приношений и предметов костюма (уровня «стандарт+»), что, возможно, является отражением социального статуса. Центр производства браслетов, аналогичных найденным на святилище, видимо, находился в Крыму, а основным их потребителем были носители Позднекифской археологической культуры.

Браслет с шишечками на концах (рис. 5, 1) относится к типу II по Т.Н. Высотской¹⁵⁸. Единичные, видимо наиболее ранние для Крыма изделия такого рода обнаружены в погребальных комплексах Кизил-Кобинской археологической культуры¹⁵⁹. Наибольшее их количество найдено в могильниках римского времени Боспора и его ближайшей периферии¹⁶⁰, в частности в некрополях Золотое на Керченском полуострове и Кобяковского городища в устье Дона, что, возможно, объясняется близким расположением этих объектов к основному центру производства таких браслетов. Украшения этого типа известны также в Херсонесе¹⁶¹. В «варварских» могильниках Крыма они встречаются довольно редко, в женских, детских и мужских комплексах¹⁶². Бронзовый браслет с шишечками обнаружен на святилище Гурзуфское Седло¹⁶³. За пределами Крыма, в относительном удалении от Боспора, подобные находки единичны¹⁶⁴. Наиболее часто такие украшения встречаются в комплексах I–нач. II в.¹⁶⁵. Предполагаемый социальный статус погребенных, с которыми обнаружены браслеты этого типа, варьирует на различных памятниках. На некрополях западной части Европейского Боспора (Золотое, Новоотрадное) большинство браслетов с шишечками обнаружено в захоронениях детей предположительно высокого социального ранга¹⁶⁶. В Северо-Западном Крыму (Беяус) они происходят из женского комплекса, наиболее статусного в соответствующей хронологической группе¹⁶⁷. В Центральном Крыму оценить социальную роль погребенных с такими украшениями сложно, поскольку они происходят из склепов с многоактными захоронениями, в которых не удалось распределить инвентарь по костякам, хотя в одном случае браслеты

¹⁵⁸ Высотская 1994, 110; Стржелецкий и др. 2005, 154.

¹⁵⁹ См. например Колотухин 1996, 48, рис. 50, 17, 18.

¹⁶⁰ Арсеньева 1970, табл. 6, 1, 12, 13; 12, 1; 13, 16; Корпусова 1983, табл. VI, 7; X, 33; XV, 14; XVII, 8; XXII, 20–22; XXXI, 5; Ларенок 2013а, табл. 13, 9, 10; 15, 6; 24, 17; 44, 5; 55, 4; 57, 11, 12; 60, 2; 66, 8, 9, 12–15; 74, 7, 9; 77, 7; 79, 15; 83, 6; 98, 5; 100, 16, 17; 103, 11, 12; 106, 19; 113, 6, 9; 115, 12; 130, 11; 137, 7; 140, 2–4, 6, 7; 142, 3, 6, 7; 149, 9, 10; 153, 8; 154, 3.

¹⁶¹ Зубарь 1982, 94 тип 2 рис. 61, 8, 10.

¹⁶² Сымонович 1983, табл. XXXIII, 1–11, 13–15; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 17; 27, 8; 2017а, рис. 215, 10; Гущина, Журавлев 2016, табл. 6, 10; 102, 9; 112, 5; 141, 17; Высотская 1994, табл. 4, 27; 6, 28; Дашевская 2014, 21–22, табл. 31; Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, 331 рис. 18, 1, 2; Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 24, 1, 2, 4; Зайцев, Мордвинцева 2007, рис. 6, 4; 7, 6.

¹⁶³ Новиченкова 2015, 63 рис. 106, 7.

¹⁶⁴ Махно 1960, 24, рис. 12, 2.

¹⁶⁵ Труфанов 2009, 225, рис. 102а.

¹⁶⁶ Корпусова 1983, табл. X, 33; XVII, 8; XXII, 20–22.

¹⁶⁷ Дашевская 2014, 21–22, табл. 31.

с шишечками ассоциируются с мужским элитарным погребением¹⁶⁸, в другом – с женским комплексом уровня «стандарт+»¹⁶⁹. В Юго-Западном Крыму (Усть-Альма) статус погребенных с браслетами этого типа (женщины и дети) варьирует от «стандартного»¹⁷⁰ до «элитного»¹⁷¹, а на границе с полисом Херсонес (Бельбек IV) они обнаружены в двух достоверно мужских «элитных» комплексах¹⁷² и в женских погребениях уровня «стандарт+»¹⁷³. На Южнобережье (Лучистое-2) браслет с шишечками найден в захоронении предположительно наиболее статусной на могильнике женщины¹⁷⁴.

В римском мире браслеты считались женским украшением и ношение их мужчинами воспринималось как признак женственности. В то же время браслеты (*armilla*), в том числе со змеевидными окончаниями и с шишечками на концах, входили в набор римских *dona militaria*. Происхождение этой военной награды связывают с обычаем снятия римлянами гривен и браслетов с убитых или плененных ими врагов – персов, скифов, кельтов¹⁷⁵. Учитывая широкую популярность этой награды, нельзя исключать влияние этих предметов как на формы браслетов в варварской среде, так и на способы их ношения.

Фрагмент серебряного украшения из тордированной проволоки с петлей и проволочной розеткой (рис. 4, б; рис. 7, 9), судя по его размерным характеристикам, принадлежит браслету. Обломок аналогичного изделия известен лишь среди материалов святилища Гурзуфское Седло¹⁷⁶. Серебряные и бронзовые браслеты из гладкого прута с застежкой, украшенной розеткой, происходят из нескольких комплексов нач. – 1 пол. III в. н.э. могильников Позднескифской археологической культуры Усть-Альминский и Бельбек IV¹⁷⁷. Бронзовые браслеты с подобной розеткой обнаружены в пещерном некрополе III в. н.э. Глазастая¹⁷⁸. Сходная конструкция зафиксирована на тордированных гривнах¹⁷⁹ и серьгах¹⁸⁰ из памятников Позднескифской археологической культуры и группы «Озерное – Инкерман» III–IV вв. н. э. Насколько можно судить по опубликованным материалам, в некрополях Херсонеса и Боспора такие изделия не найдены. Розетты, выполненные из закрученной в спираль проволоки, служили также щитками перстней¹⁸¹, происхождение которых связывают с археологическими культурами латенского круга¹⁸². В римское время они были широко распространены в Западной и Вос-

¹⁶⁸ Зайцев, Мордвинцева 2007, рис. 6, 4; 7, 6.

¹⁶⁹ Сымонович 1983, 55, 56, табл. XXXIII, 5, 11.

¹⁷⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11, 17.

¹⁷¹ Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 215, 10.

¹⁷² Гущина, Журавлев 2016, табл. 6, 10; 102, 9.

¹⁷³ Гущина, Журавлев 2016, табл. 112, 5.

¹⁷⁴ Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 331 рис. 18, 1, 2.

¹⁷⁵ Maxfield 1981, 86, 90.

¹⁷⁶ Novichenkova 2015, 66, fig. 113, 12.

¹⁷⁷ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 58, 6; Гущина, Журавлев 2016, табл. 59, 8.

¹⁷⁸ Лысенко 2003, рис. 5, 1, 9.

¹⁷⁹ Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 32, 4; 52, 5, 13; 178, 13; Храпунов 2011, рис. 46, 2 могила 3, 4.

¹⁸⁰ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 52, 2–3; рис. 58, 1; 2017а, рис. 179, 3; 186, 1; 2017б, рис. 52, 5, 13; 173, 11, 12; Гущина, Журавлев 2016, табл. 177, 7, 8.

¹⁸¹ Храпунов 2002, 175, рис. 75, 14; 269, рис. 169, 7; Мульд, Масыкин 2003, 27, рис. 7, 33.

¹⁸² Кухаренко 1959, 36.

точной Европе¹⁸³. В силу единичности публикуемой находки, о происхождении таких предметов и социальной принадлежности их владельцев судить сложно.

Перстни

Обнаруженные на святилище перстни (рис. 4, 2–4; рис. 8, 3) относятся к типу цельнометаллических с плавно расширяющейся к щитку шинкой¹⁸⁴. Это наиболее распространенная форма перстней, которые обнаружены как в античных, так и «варварских» погребальных контекстах Крыма кон. I–II вв. н.э., судя по публикациям, в основном женских¹⁸⁵. Такая технологическая деталь, как отверстие на тыльной стороне каста, зафиксирована также у экземпляров из могильников Бельбек IV и Лучистое-2 посл. четв. I в. н.э. – нач. II в. н.э.¹⁸⁶ Золотой перстень этого типа обнаружен на святилище Гурзуфское Седло¹⁸⁷. Оценить информативность бронзовых экземпляров как маркеров социального престижа без данных об их количестве в закрытом комплексе невозможно.

По результатам приведенного обзора можно констатировать следующее. Металлические украшения костюма, обнаруженные на культовом комплексе Эклизи-Бурун, если ориентироваться на «узкие» датировки типов и вариантов, по хронологической принадлежности подразделяются на две сопоставимые по объему группы. Первая (№ 5, 9–14, 16, 17–19) синхронна первой половине – середине предполагаемого первого этапа функционирования святилища, вторая соответствует концу первого – началу второго этапов (№ 1, 2–4, 6–8, 15). Предметы, составляющие каждую из них, могли поступать в комплекс постепенно, но, принимая во внимание особенности местоположения памятника¹⁸⁸, нельзя исключать того, что в каждом случае они были депонированы одновременно, в рамках одного жертвоприношения. При этом некоторые формы украшений (№ 2–4, 12–14, 16) появились в Крыму, видимо, задолго до рассматриваемого периода, отдельные (№ 2–4, 9(?)) использовались и позже, однако практически все они получили наибольшее распространение или возникли и исчезли на полуострове в римское время. По крайней мере несколько типов публикуемых изделий (№ 6, 10, 12–13) характерны для большей части предполагаемого периода функционирования святилища Эклизи-Бурун. Наиболее полно ему соответствует время бытования одного из них (№ 1). Большинство изучаемых вещей (14 шт.) являются элементами женской субкультуры (№ 1, 5–9, 12–19; 74% материала). С мужской субкультурой соотносится один (№ 4; 5%), а с детской ассоциированы два предмета (№ 10,

¹⁸³ Трейстер 1992, 46, с литературой.

¹⁸⁴ Высотская 1994, 113 тип 1.

¹⁸⁵ Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 3, 9, 10; 11, 1а-г; 16, 9б, в; 27, 6, 15–18; 37, 5; 68, 1; 93, 1; 95, 9; 160, 1–8; 170, 5–6; 2017а, рис. 14, 2, 4–9; 21, 2; 36, 3; 71, 6–9; 116, 13, 17, 18; 123, 5, 6; 125, 2а; 137, 5, 6; 153, 9, 10; 157, 6–9; 162, 5, 6; 168, 11–14; 176, 7; 197, 12–16; 232, 1–7; 234, 9–11; 2017б, рис. 8, 18–23; 26, 15, 16; 34, 12–18; 48, 13–16; 67, 6–9; 169, 2–5; Гущина, Журавлев 2016, табл. 11, 8; 25, 42; 27, 1; 31, 5–7; 53, 11; 64, 10–12; 72, 7, 8; 92, 15; 96, 7, 8, 11; 108, 3, 4; 127, 10, 11; 129, 10, 13, 14; 130, 11, 12; 132, 7; 149, 6; 184, 5, 6; 205, 5; 207, 9, 10; Зайцев и др. 2007, рис. 3, 14; 4, 6; 6, 19, 20; 8, 3, 4; 10, 3, 4; 12, 15–17; 14, 1–3; 15, 7; 17, 16, 19; 27, 8; Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, рис. 14, 9–13; 15, 1–4; Корпусова 1983, табл. I, 13, 14; II, 10, 22; X, 20; XV, 15, 16, 19, 20; XVII, 10; XXII, 20; XL, 6; XLI, 6, 7; Мульд, Масякин 2003, 27, рис. 7, 29, 30; Храпунов 2011, 109, рис. 45, 17.

¹⁸⁶ Гущина, Журавлев 2016, табл. 127, 10; Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015, рис. 14, 13; 15, 2В.

¹⁸⁷ Новиченкова 2015, 65, рис. 110, 5.

¹⁸⁸ См. Лысенко, Тесленко, Мусин 2017, 305.

Рис. 8. Вотивы святилища Эклизи-Бурун. 1–2 – пластины диадемы/венка. 3 – перстень. 4–5 – браслеты. Фото

11; 10,5%). Гендерная принадлежность владельца пластин венка/диадемы (№ 2, 3; 10,5%) не может быть определена, но если они с индикацией (№ 4) входили в состав одного сложного артефакта, то он характеризует, скорее, мужскую субкультуру. Часть металлических украшений костюма с высокой степенью вероятности соотносится с социальным статусом «стандарт+» («локальная элита») (№ 1, 6, 8–11, 14, 37%), а некоторые, видимо, принадлежали представителям «надлокальной элиты» (№ 2–5, 21%). Прочие предметы ситуативно также могли маркировать социальный статус «стандарт+». Предварительный анализ опубликованных металлических украшений костюма, обнаруженных на святилище Гурзуфское Седло, показывает сходную картину. Это позволяет предположить, что среди адептов святилищ Южной части Горного Крыма римского времени были женщины, обладавшие институализированной социальной субъектностью¹⁸⁹.

Путем дальнейшей систематизации и организации сведений о рассматриваемом материале можно составить общее представление о вероятных местах проживания и связях коллективов, создавших и посещавших святилище. Для этого необходимо оценить металлические украшения костюма, использованные в качестве вотивов, на предмет отражения в них различных аспектов культурной идентичности дедикантов с применением элементов мир-системного анализа, адаптированного для археологического исследования¹⁹⁰, через изучение специфики и картографирование предметов сетевого взаимодействия.

Украшения костюма, обнаруженные в археологических комплексах различных категорий, по частоте встречаемости можно разделить на единичные¹⁹¹, особенные¹⁹² и массовые¹⁹³, а по культурной принадлежности – на «инокультурные», «внутрикультурные» и «кросс-культурные». «Внутрикультурное» происхождение артефактов предполагает центр их производства и распространения в самой потребляющей их культуре, а «инокультурное» – за ее пределами. «Кросс-культурные» вещи в разной степени имитируют или модифицируют «инокультурные» оригиналы: реплика (копия оригинального продукта), дериват (предмет, возникающий на основе другого) и гибрид (сочетает в себе свойства нескольких (двух и более) объектов, по крайней мере один из которых «инокультурный»). Контекст использования вещей «инокультурного» происхождения в культуре-реципиенте может быть сохранен по отношению к оригинальному или полностью / частично изменен.

Для характеристики особенностей культурной идентичности адептов святилища смысловую нагрузку несут особенные «внутрикультурные», единичные и особенные «инокультурные», а также все виды «кросс-культурных» признаков. Единичные «внутрикультурные» артефакты можно исключить из подробного анализа, поскольку они рандомны и не характеризуют группу, ее внутренние и внешние связи. Массовые «внутрикультурные» предметы демонстрируют лишь общий

¹⁸⁹ Ср. Бертъе-Делагард 1907, 23.

¹⁹⁰ Мордвинцева 2017с.

¹⁹¹ Обнаруженные в контексте одного памятника.

¹⁹² Выявленные в небольшом количестве комплексов на нескольких памятниках и входящие в группы предметов погребального инвентаря «гендерный/возрастной стандарт+».

¹⁹³ Представленные в большинстве памятников, в том числе различающихся по набору обрядовых действий, и входящие в группы предметов погребального инвентаря «стандарт» и «гендерный/возрастной стандарт».

культурный фон. Массовые «инокультурные» вещи маркируют, скорее, сетевые связи торгового характера, поэтому также могут быть исключены.

Для распределения публикуемых артефактов в соответствии с предложенной методикой целесообразно исходить из того, что, судя по местоположению святилища и характеру практиковавшихся на нем ритуальных действий¹⁹⁴, его адепты обитали в пределах крымского «барбарикума». Результат выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Культурный контекст	Вид предмета/идеи	массовые	особенные	единичные
инокультурный	Листочки венка/диадемы		X	
	Индикация			X
	Серьга «Гераклов узел»			X
кросс-культурный	Подвеска на серьге (гибрид)		X	
	Подвеска-личина (гибрид)		X	
	Подвеска-лунница (дери-ват?)		X	
внутрикультурный	Браслеты с змеевидными окончаниями	X		
	Перстни	X		
	Подвеска антропоморфная	X		
	Обкладка бронзовой диадемы		X	
	Серьга с зооморфным окончанием		X	
	Височное кольцо			X
неопределенный	Серьга тордированная	X		
	Браслет с шишечками	X		
	Браслет тордированный с розеттой	X		

К «инокультурному» контексту относятся индикация, пластины венка/диадемы, серьга «узел Геракла». Индикация в «варварских» древностях Крыма является единственной находкой, а в античных памятниках – редким предметом. Эта вещь определенно ассоциировалась с социальным престижем (являлась инсигнией?) в античной культуре Крыма. Вероятно, в этом же качестве она воспринималась и в «варварской» среде. Диадемы/венки, листовидные детали которых обнаружены в культовом комплексе, маркировали социальный престиж в античных

¹⁹⁴ Святилище Эклизи-Бурун римского времени по большинству формальных признаков демонстрирует архаичную, «догосударственную» стадию развития ритуальной практики. Культурная атрибуция таких объектов затруднена в связи с тем, что в их структуре отсутствуют монументальные архитектурные сооружения и эпиграфические документы, а также по причине стадийной гетерогенности стратифицированных обществ (см. Лысенко 2009, 390, 392–393). Однако, поскольку явных и достаточных признаков «цивилизации» и «государства» (см. Крадин 2012) при изучении комплекса пока не зафиксировано, предварительно можно предполагать, что он создан и использовался одним или несколькими интегрированными «варварскими» «безгосударственными» социумами.

погребальных контекстах Крыма¹⁹⁵ и за его пределами, а также символизировали надлокальный статус представителей «варварской» элиты полуострова¹⁹⁶, т. е. могли восприниматься ими как собственные знаки отличия. Золотые серьги, как категория погребального инвентаря, относятся к «стандартным» маркерам престижа в женских захоронениях «варварской» элиты Крыма периода I – сер. II в. н.э.¹⁹⁷. Конкретный же тип серьги («узел Геракла») единичен для «варварских» контекстов Крыма. Таким образом, специфика культурной идентичности адептов святилища, проявляющаяся в используемых ими для жертвоприношения «инокультурных» металлических украшениях костюма состоит, вероятно, в высокой социальной оценке этих предметов, подчеркивающих элитарный статус дедиканта. Причем если в погребальном обряде диадемы/венки видимо демонстрировали стремление социума к интеграции с античной культурой, то их деструкция и депонирование в святилище, возможно, осуществлялись как акт благодарности божеству за победу над врагом. Происхождение артефактов указывает на одно из направлений внешних контактов элит этих варварских социумов – полис Херсонес.

«Кросс-культурные» вещи представлены подвесками: лунница, «личина-маска», модифицированное окончание ножен меча типа Майнц. Лунницу, учитывая ограниченный ареал типа, к которому она относится (рис. 9, *d, e*), при широком распространении таких украшений в ойкумене, можно охарактеризовать как локальный «дериват». Специфичность изделия заключается в мелких деталях формы, возможно, обусловленных особенностями технологии производства, а также в узости ареала этого варианта украшения (центр Южной части Горного Крыма) (рис. 9, *e*). Подвески-личины представляют собой дериват предмета, присущего римской культуре, переосмысленного в местной среде, где была изменена сфера его применения (с оберега замка на детский апотропей). Он отличается узостью основного ареала (Юго-Западный Крым) (рис. 9, *f*) и хронологического диапазона (2 треть – кон. II в. н.э.). Подвеска из фрагмента ножен меча типа Майнц может быть атрибутирована как «гибрид» (часть римских *militaria* на серьге местного типа). Вторичное использование фрагментов римского оружия в качестве амулетов известно по нескольким контекстам Усть-Альминского могильника (Юго-Западный Крым) (рис. 9, *g*), но рассматриваемый артефакт (рис. 9, *h*) еще более специфичен, так как, видимо, представляет собой часть продукта особого ритуала, осуществленного в пределах святилища. Такие изделия выявлены пока лишь на двух культовых комплексах, расположенных на вершинах Главной гряды Крымских гор (Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун) (рис. 9, *1, 2*). В целом можно предполагать, что особенность культурной идентичности адептов культового комплекса, наблюдаемая по «кросс-культурным» металлическим украшениям костюма, заключается в восприятии и использовании некоторых предметов, связанных с римской культурой, как носителей магической силы.

Среди «внутрикультурных» предметов единичным является золотое височное кольцо, которое уникально и не может интерпретироваться как индикатор направлений связей или особенностей культурной идентичности. «Массовые» «внутрикультурные» артефакты – браслеты со змеевидными окончаниями,

¹⁹⁵ Мордвинцева 2009.

¹⁹⁶ Мордвинцева 2017b, 208.

¹⁹⁷ Мордвинцева 2017b, 205.

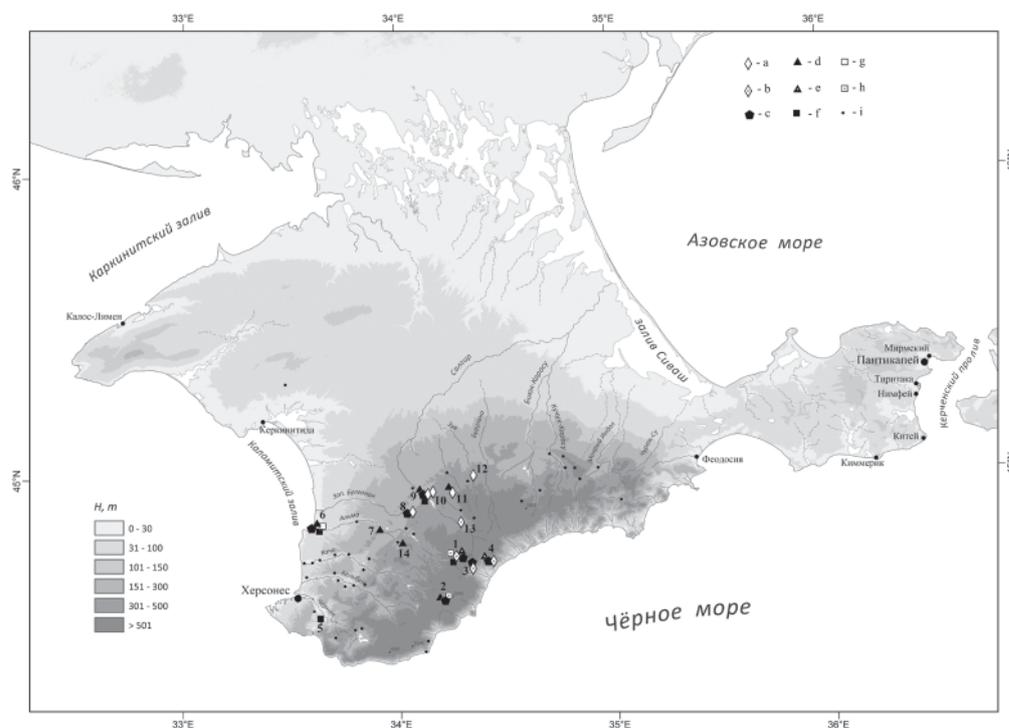

Рис. 9. Карта распространения металлических украшений костюма – вероятных маркеров культурной идентичности адептов святилища Эклизи-Бурун на «варварских» памятниках Крыма. а – диадемы с бронзовыми накладками; б – диадемы с бронзовыми накладками особого орнаментального варианта; с – серьги с зооморфным окончанием; d – подвески-лунницы; e – подвески-лунницы с «выемками»; f – подвески-«личины»; g – амулеты из деталей ножен мечей типа «Майнц»; h – нефункциональные изделия из фрагментов ножен мечей типа «Майнц»; i – «варварские» некрополи римского времени, в которых маркеры культурной идентичности адептов святилища Эклизи-Бурун пока не обнаружены. Цифры на карте: 1 – Эклизи-Бурун. 2 – Гурзуфское Седло. 3 – Чатыр-Даг. 4 – Лучистое-2. 5 – Чернореченский. 6 – Усть-Альма. 7 – Заветное. 8 – Левадки. 9 – Неаполь скифский. 10 – Битак. 11 – Опушки. 12 – Нейзац. 13 – Перевальное. 14 – Балта-Чокрак

перстни и бронзовая подвеска в виде антропоморфной фигурки – обнаружены практически во всех «варварских» и многих античных контекстах Крыма. Ввиду их широкого распространения, они также не могут использоваться при характеристике культурной идентичности адептов святилища, как и «неопределенные» по происхождению украшения (фрагменты тордированных серьги и браслета, браслет с «шишечками» на окончаниях).

К «особенным» «внутрикультурным» предметам относятся бронзовая пластина диадемы и серьга с зооморфным окончанием. Оригинально оформленные крупные серьги внешне заметно отличаются от большинства синхронных им украшений этой категории. Их использование в костюме помимо прочего могло восприниматься как элемент самоидентификации. Максимальная концентрация этих вещей отмечена в центре Южной части Горного Крыма (рис. 9, с), за пре-

делами которого такие изделия встречаются единично. Диадемы с бронзовыми накладками – специфическое украшение, которое, благодаря принадлежности к наиболее значимой части костюма и наличию орнамента, также могло служить элементом системы кодов распознавания типа «свой – чужой». Они обнаружены в памятниках центра Предгорного и Горного Крыма, демонстрирующих различные погребальные практики (рис. 9, *a, b*). Причем отмеченный на накладке из Эклизи-Бурун вариант декора, отличающийся небольшими деталями, зафиксирован лишь в южной части этого ареала, локализующейся вокруг горы Чатыр-Даг (рис. 9, *b*). Возможно, диадемы являлись маркером социального статуса, институализированным в нескольких культурных группах (женщины, принадлежащие к локальным элитам?). В таком случае их находки отмечают места обитания коллективов, связанных гетерархическими отношениями.

ВЫВОДЫ

Обобщение результатов проведенного анализа и сопоставление их с данными других источников позволяет сформулировать следующие выводы и предположения.

При определении возможного места обитания адептов святилища целесообразно ориентироваться в первую очередь на ареалы встречаемости «особенных» «внутрикультурных» артефактов. Ближайшее к Эклизи-Бурун место, где они явно пересекаются – центр ландшафтной зоны «Южнобережье» (рис. 2; 9). В связи с этим можно предполагать, что по крайней мере часть носителей культурной идентичности, признаки которой прослежены по металлическим украшениям костюма, обнаруженным в святилище Эклизи-Бурун римского времени, проживала в Алуштинской долине и использовала некрополи Лучистое-2 и Чатыр-Даг. Косвенно эта версия подтверждается пересечением здесь же ареалов специфических вариантов орнамента бронзовых накладок на диадемы и формы «кросс-культурного» «деривата» (лунниц) (рис. 9, *b, e*), частичной синхронностью перечисленных памятников, расположением их в визуальной связи и непосредственной близости друг от друга¹⁹⁸ (рис. 1), а также сопоставимостью выявленных при их изучении форм обрядовой практики (сожжение на святилище как способ передачи жертвы боже-ству, кремация умерших как способ демембрации трупа на стадии I некрологического цикла перед погребением на могильниках)¹⁹⁹.

Если эти выводы верны, то материалы исследования упомянутых некрополей могут использоваться в качестве дополнительного источника о социумах, создавших и использовавших святилище Эклизи-Бурун. Оба могильника небольших размеров. В их пределах выявлены расположенные в непосредственной близости друг от друга, возникшие в разное время, но частично синхронные отдельные участки²⁰⁰, содержащие комплексы социальной «элиты»²⁰¹. В целом это свидетельствует о небольших размерах рассматриваемых коллективов и функционировании в

¹⁹⁸ Могильники Лучистое-2 и Чатыр-Даг находятся соответственно в 9,5 и 6,0 км от святилища Эклизи-Бурун. Между ними – 3,4 км.

¹⁹⁹ Лысенко 2018, 220.

²⁰⁰ Мыц и др. 2006, 8, 172, 173, табл. 1.

²⁰¹ Мыц и др. 2006, 106.

их рамках относительно самостоятельных подразделений, что позволяет предполагать существенный элемент гетерархичности в системе управления обществом. В то же время структура самих этих подразделений иерархична, в ней выделяется «элита», возможно управленческая. В пределах обоих объектов в материальной культуре женской части «элиты» присутствуют статусные элементы надобщинного уровня²⁰². Комплексы ее мужской части, изученные на Чатыр-Дагском некрополе, отличаются выраженным военно-идеологическим характером (сочетание оружия и ритуально-производственного инвентаря в явно институализированном «мужском» стандарте погребального инвентаря)²⁰³. Вероятно, эти обстоятельства указывают на высокую концентрацию власти внутри формировавшихся социумы коллективов и на их потенциальную или реализованную политическую субъектность. Сопоставление приведенных сведений о социумах, использовавших некрополи Лучистое-2 и Чатыр-Даг, позволяет предположительно охарактеризовать их как расширенные семьи – возможно, малые сегментированные патрилиниджди(?) или системы из нескольких минимальных патрилинидждей²⁰⁴. Не исключено, что они входили в более крупное социальное образование (segmentary society)²⁰⁵, в рамках существования которого и функционировало святилище Эклизи-Бурун.

Наиболее тесные и близкие внешние связи адептов культового комплекса также маркированы «особенными» «внутрикультурными» артефактами. Наличие крупных серебряных серег с зооморфным окончанием и специфических нефункциональных «гибридных» «кросс-культурных» или «инокультурных» изделий из фрагментов римского оружия в материалах Гурзуфского Седла (рис. 9, *c, h*) подтверждает предполагаемую по другим признакам культурную гомогенность адептов двух горных святилищ. Кроме того, локализация ареала женских диадем, украшенных пластинами с пуансонным орнаментом (рис. 9, *a, b*), а также присутствие в его северной части отдельных находок упомянутых серебряных серег (рис. 9, *c*), позволяют предполагать некую (политическую?) интеграцию создателей Эклизи-Бурун с носителями Позднескифской и раннего этапа Инкерманской археологических культур, обитавших в центре Крымских Предгорий. Ее формы и глубину, принимая во внимание существенные отличия в погребальном обряде и, видимо, размерах коллективов, использовавших южнобережные и предгорные могильники, пока определить сложно. Однако, судя по распространению специфического варианта орнамента диадем (рис. 9, *b*), нельзя полностью исключить возможность того, что среди адептов рассматриваемого святилища были жители северных отрогов горы Чатыр-Даг и их окрестностей²⁰⁶. Возможно, предпосылки возникновения и исчезновения этого явления (интеграция «разнокультурных» социумов) обусловлены наличием и изменениями пределов зон военно-политического влияния полиса Херсонес и Боспорского государства, между которыми

²⁰² Мыц и др. 2006, 16–17, таб. 24, 25; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 318–319.

²⁰³ Мыц и др. 2006, 99, 104–105, таб. 51–53.

²⁰⁴ См. напр. Артемова 2000, 888; Лысенко 2004b, 232–233.

²⁰⁵ См. напр. Куббель 1988, 119–120.

²⁰⁶ Мелкие региональные особенности костюма, видимо, могли быть обусловлены принадлежностью людей к группам адептов различных культовых комплексов. Так, например, в Моравской Словакии рубежа XIX – нач. XX вв. границы 28 выделенных там районов, различающихся спецификой костюма, совпадали с пределами церковных приходов XVII–XVIII вв. (см. Богатырев 1971, 316–317).

в I–III вв., вероятно, располагались центральные части Горного и Предгорного Крыма²⁰⁷ (рис. 2).

Сведения о относительно дальних связях и контактах адептов Эклизи-Бурун могут быть получены посредством анализа «инокультурных» и «кросс-культурных» артефактов. Ранее, в результате рассмотрения найденных на святилище римских вещей и нумизматического материала в сопоставлении с данными исторических источников, было сформулировано предположение о том, что его создатели по крайней мере дважды вступали в боевые столкновения с римскими войсками: в 1 пол. – сер. I в. в центре Южнобережья, в ходе Римско-боспорской войны и во 2 пол. II – нач. III в., возможно, вблизи границ Херсонеса²⁰⁸. Кроме того они, вероятно, как и обитатели центра «Крымской Скифии», периодически получали выплаты золотом от полиса Херсонес²⁰⁹. Происходящие из святилища Эклизи-Бурун «инокультурные» металлические элементы костюма также указывают на контакты его адептов с Херсонесом, в том числе, вероятно, военные, случившиеся в период после 240 г. н.э. и до сер. IV в. н.э. Возможно, в рамках событий подобного рода в комплексе оказались и «кросс-культурные» «гибридные» артефакты, основной ареал распространения которых находится в Юго-Западном Крыму, в окрестностях Усть-Альминского могильника. Наличие в материалах святилища значительного количества «милитарных» «инокультурных» вотивов, видимо, свидетельствует о политической субъектности его создателей.

Помимо прочего проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимодополняющих выводов общего характера. Во-первых, ассортимент металлических украшений костюма крымского «барбарикума» римского времени в значительной степени сформирован под «греко-римским» влиянием, вследствие чего в нем присутствует заметное количество «кросс-культурных» «дериватов» и «гибридов». Во-вторых, возможно, границы ареалов специфических наборов украшений, по крайней мере в некоторых случаях, не зависят напрямую от культурной принадлежности населения региона, но могут быть обусловлены пределами зон влияния политических субъектов²¹⁰.

Исторический контекст, в котором возник, функционировал и прекратил использоваться культовый комплекс Эклизи-Бурун в общих чертах реконструируется путем синтеза исторических, нумизматических и археологических источников. Исходя из местоположения объекта можно констатировать, что он располагался в исторической области «Таврика», пределы которой, видимо, изменялись в зависимости от взаиморасположения границ, а также размеров зон военно-политического влияния полиса Херсонес и Боспорского государства, находившихся со 2 пол. I в. до н.э. в сфере интересов и под прямым или опосредованным контролем Римской империи²¹¹. К началу римского времени восточные пределы Херсонеса в прибрежной части Горного Крыма не простирались далее современной Балаклавы (рис. 2, А). Граница Боспора установилась где-то в окрестностях Судакской

²⁰⁷ См. Лысенко 2014, 107–108; 2018, 221–223.

²⁰⁸ Lysenko, Masyakin 2012; Лысенко, Масыкин 2016, 168–169.

²⁰⁹ См. Лысенко 2014, 135, рис.; Сидоренко 2001, 446–447.

²¹⁰ Ср. Лобачева 1989, 35.

²¹¹ SEG 55, 862; КБН 1237; Лысенко 2014, 102–108.

долины после экспансии на запад в нач. I в. н. э.²¹² (рис. 2, Б). Возможно, с этими или подобными событиями связано появление Кутлакской крепости 2 пол. I в. до н. э. (Афинеон?)²¹³, резкое сокращение интенсивности использования святилища Туар-Алан²¹⁴ (рис. 2, 2), а также создание Таракташского культового комплекса (I в. до н. э.(?) – I в. н. э. – сер. – 2 пол. IV в. н. э.)²¹⁵ (рис. 2, 4). В центре Таврики со II–I вв. до н. э. функционировало святилище Гурзуфское Седло (рис. 2, 1), на рубеже эр – в I пол. I в. н. э. появился культовый комплекс Эклизи-Бурун (начало «раннеримского» этапа его функционирования) (рис. 2, 3), а не позже рубежа I–II вв. н. э. – могильник с захоронениями остатков кремаций Лучистое-2 (рис. 2, 13). В этот период Таврика, видимо, была населена и/или находилась под контролем культурно своеобразных, гомогенных, более или менее независимых от соседних античных государств и достаточно воинственных политически субъектных социумов²¹⁶. В сер. 1(?) – кон. 2(?) третьей II в. в регионе возводится римское укрепление Харакс²¹⁷ (рис. 2, 15). Через некоторое время после этого, видимо, произошел «раздел» Таврики. Юго-западная часть ее, вероятно, оказалась в составе полиса Херсонес и под прямым протекторатом Римской империи, а северо-восточная перешла под контроль проримского Боспора²¹⁸. Судя по распространению артефактов-индикаторов политической принадлежности (эпиграфические памятники, медные монеты, предметы с тамгами боспорских царей), «граница» между «зонами влияния» прошла западнее Ялтинской долины²¹⁹ (рис. 2, В). В результате(?) в «боспорской» части региона на горных святилищах изменилась (начало «позднеримского» этапа Эклизи-Бурун), а на одном из них (Гурзуфское Седло) сократилась обрядовая практика²²⁰. В то же время здесь возникли новые объекты: святилища Ауткинское (2 пол. II – 1 пол. IV вв.)²²¹ и Алигор (рубеж II–III – 1 треть IV вв. н. э.)²²² (рис. 2, 5, 6); производственный центр Парагильмен (рис. 2, 18); поселение Чугунун-Кая (Лампад?)²²³ (рис. 2, 19), а также пещерные некрополи III в. Бай-Су и Ай-Никола²²⁴ (рис. 2, 16, 17). Возможно, эти изменения были обусловлены перемещением (с запада на восток?) части адептов святилища Гурзуфское Седло и проникновением в регион нового населения со стороны Боспора. После временного сворачивания римского присутствия на полуострове, эвакуации гарнизона и разрушения укреплений Харакса (2(?) треть III в.)²²⁵, у его руин (в «римско-херсонесской» части Таврики) фиксируется практиковавшийся кремование умерших культурно гомогенный с использовавшим «биритуальные» могильники населением Инкерманской долины (рис. 2, 11, 12) социум,

²¹² КБН 39, 40. См. Лысенко 2012, 87–89.

²¹³ Ланцов 2015.

²¹⁴ Гаврилов, Труфанов 2014, 112.

²¹⁵ Лысенко 2009, 384–388, 391–393.

²¹⁶ Лысенко 2014, 107.

²¹⁷ Ptol. III. 6. С. 2; лит. см. Лысенко 2014, 114–115.

²¹⁸ КБН 1008, 1237; Зубарь 1998, 111–115.

²¹⁹ КБН 955; Бертье-Делагард 1907, 24–26; Лысенко 2012, 86–91.

²²⁰ Лысенко 2009, 381, 390, 395; Новиченкова 2015, 121.

²²¹ Бертье-Делагард 1907; Лысенко 2012.

²²² Лысенко 2009, 381–383.

²²³ Лысенко 2005; 2014, 109–110.

²²⁴ Лысенко 2003, 88–89, 90–92.

²²⁵ Зубарь 2002, 120.

видимо интегрированный в сферу влияния полиса Херсонес (Ай-Тодор, военные поселенцы?)²²⁶ (рис. 2, 15). В «боспорской» части региона, немного ранее или примерно синхронно, прекращает(?) функционировать могильник Лучистое-2 и появляется(?) некрополь с захоронениями остатков кремаций Чатыр-Даг (рис. 2, 13, 14). Ее жители, сохраняя прежнюю политическую ориентацию и часть субъектности, были вовлечены в военно-политические события на территории Империи («Скифские» войны и проч.). Судя по датам и эмитентам обнаруженных здесь монет, последняя операция с их участием состоялась в Юго-Западном Причерноморье в 313–314 гг.²²⁷ После предполагаемых Херсоно-боспорского и Боспоро-херсонесских конфликтов вся Таврика, видимо, оказалась под контролем поддерживаемого Империей полиса Херсонес (во 2 пол. IV в.?). Между ним и побежденным херсонесско-римскими войсками Боспором были установлены пограничные столбы в местности Кафа²²⁸ (видимо, окрестности Феодосии²²⁹). Затем граница Боспора отодвинулась к Кивернику²³⁰ (городище Киммерик на горе Опук?)²³¹ (рис. 2, 7). Социумы, использовавшие некрополи с погребениями остатков кремаций в «римско-херсонесской» части региона оставались «на месте» до нач. V в. (Ай-Тодор)²³², а из бывшей «боспорской», вероятно мигрировали (могильник Чатыр-Даг²³³, святилища Гурзуфское Седло и Эклизид-Бурун)²³⁴. В кон. IV – нач. V в. здесь появились святилище Пахкал-Кая²³⁵ (рис. 2, 7) и некрополи типа Суук-Су, оставленные социумами, видимо, происходящими из «Крымской Скифии»²³⁶. Возможно, впоследствии именно этих людей источники поименовали «готами»²³⁷.

Население Таврики в греко-римской нарративной традиции²³⁸ и местных эпиграфических документах I в. до н.э. – сер. III в. обозначено нарицательными экзоэтнонимами²³⁹ «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы»(?). В источниках

²²⁶ Орлов 1987; Лысенко 2012, 88–89.

²²⁷ Лысенко 2007.

²²⁸ Const. Porph., De adm. imp. 53, 124–161.

²²⁹ Катюшин 1994.

²³⁰ Const. Porph., De adm. imp. 53, 162–178.

²³¹ Юрочкин 1999, 279–381.

²³² Айбабин 1984, рис. 1.

²³³ Мьц и др. 2006, 186.

²³⁴ Таким образом, благодаря особенностям местоположения, Южная часть Горного Крыма в римское время оказалась ареной взаимодействия всех основных политических сил полуострова, чем, вероятно, отчасти объясняется ее сравнительно малая заселенность. При этом субъектность населения Таврики, существовавшая в начале этого периода, в результате деятельности соседних государственных образований и Римской империи к его завершению была окончательно ликвидирована.

²³⁵ Лысенко 2011.

²³⁶ Юрочкин, Труфанов 2007, 370–371.

²³⁷ Proc., Aed. III. VII, 10–17.

²³⁸ Ps.-Scymn. 831–832; Strabo, VII. 4. 3; Plin., NH. IV, 85, 86; Tac. Ann. XII. 17; Arr. PPE. 30.

²³⁹ Использовались представителями территориальных цивилизованных/государственных структур по отношению к «варварам», видимо, уже как нарицательный термин, в силу некоторого сходства их локализации (в физико-географической провинции Горный Крым) и хозяйственно-культурного типа («пиратство») с широко растиражированными благодаря греческой нарративной традиции мифологическими по происхождению представлениями о «таврах» начала эпохи раннего железа (см. Лысенко 2014, 104–107).

они упоминаются как агрессоры против представителей Рима²⁴⁰ и Херсонеса²⁴¹, а также как объект завоевания²⁴² и дипломатического давления²⁴³ для Боспорского государства²⁴⁴. По контексту сообщений можно заключить, что в них речь идет о безгосударственных социумах (племенах²⁴⁵). В целом эти сведения соответствуют данным, полученным при исследовании святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун²⁴⁶.

В результате изучения металлических элементов костюма из Эклизи-Бурун появились дополнительные основания полагать, что «тавры» («скифо-тавры», «тавро-скифы»?) римского времени помимо горных святилищ²⁴⁷ использовали южнобережные могильники с захоронениями остатков кремаций²⁴⁸. Материалы исследования этих археологических объектов широко привлекаются для реконструкции этнополитической ситуации в Крыму позднеримского времени. О происхождении некрополей Чатыр-Даг и Ай-Тодор (рис. 2, 14, 15), появившихся во 2 трети III в., а также подобных им объектов существует два основных мнения: 1) традиция кремирования умерших распространилась среди «варварского» населения Таврики либо в результате влияния на регион Херсонеса, либо в процессе романизации²⁴⁹; 2) обряд кремации привнесен в сер. III в. н.э. «варварами» – дальними мигрантами с северо-запада. Авторы второй версии определяли пришельцев как носителей Черняховской культуры – славян²⁵⁰. Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения принадлежат германцам – участникам «готских» походов («Скифских» войн)²⁵¹. Однако после открытия могильников с кремациями Лучистое-2 (рис. 2, 13), а также в Байдарской и Варнутской долинах (нижняя дата – рубеж II–I вв. до н.э. или рубеж эр)²⁵² (рис. 2, 8–10), возникших за пределами хоры Херсонеса (рис. 2, А), до оккупации ее Римской империей, а также до «Скифских» войн, перечисленные версии и основанные на них схемы развития культурно-исторической ситуации в Таврике²⁵³ нуждаются в пересмотре. Судя по новым данным не исключено, что использовавшееся обнаруженные в Горном Крыму святилища с остатками сожжений животных и могильники с захоронениями остатков кремаций население переместилось в Таврику из области распространения латенизированных археологических культур еще по крайней мере во II в. до н.э.²⁵⁴, чему не противоречат находки на относительно ранних

²⁴⁰ Tac. Ann. XII, 17.

²⁴¹ IOSPE I² 562; Зубар 1990, 108–109; Сарновски 2000, 209.

²⁴² КБН 39, 40, 1237.

²⁴³ SEG 55, 862; Сапрыкин 2005, 46.

²⁴⁴ См. Лысенко 2014, 104–106.

²⁴⁵ Здесь имеется в виду уровень социокультурной интеграции (лит. см. Крадин 2015).

²⁴⁶ См. Лысенко 2018, 219–221.

²⁴⁷ Новиченкова 2002, 171–172.

²⁴⁸ Возможно, святилище с сожжениями или могильник с кремациями был выявлен в кон. XIX в. у Кизилташского монастыря (ИГУАК 1897, 168) (рис. 2, 20).

²⁴⁹ Блаватский 1951, 204; Орлов 1987, 131; Юрочкин 1999, 280.

²⁵⁰ Веймарн, Стрелецкий 1952.

²⁵¹ Пиоро 1990, 89–108; Сидоренко 1994, 13–14; Храпунов 2016, 125–127; Айбабин, Хайрединава 2017, 22–25, 33 и др.

²⁵² Нессель 2017, 2018а; 2018б; Савеля, Савеля 2018; Колодченко 2018.

²⁵³ Обзор см. Лысенко 2015, 74–76.

²⁵⁴ См. также Мордвинцева 2017б.

памятниках (Туар-Алан, Гурзуфское Седло²⁵⁵). Позже эти социумы, видимо, остались на полуострове, расселились по его горной части и оказались вовлечены в разнообразные культурно-исторические процессы позднеэллинистического²⁵⁶ и римского времени в Северном Причерноморье. Отдельные группы потомков этих людей сохраняли культурное своеобразие до нач. V в. н.э. (Ай-Тодор).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2015: Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории. В кн.: М.Ю. Трейстер (ред.) *Золото Фанагории*. (Фанагория 2). М., 182–193.
- Абрамзон, М.Г., Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., Внуков, С.Ю. 2017: Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 249/1, 282–290.
- Айбабин, А.И. 1984: Проблемы хронологии могильников Крыма позднееримского периода. *СА* 1, 104–122.
- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2017: *Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.)*. Симферополь.
- Алексеева, Е.М. 1982: Юго-восточная часть некрополя Горгипии. В кн.: И.Т. Кругликова (ред.), *Горгиптия*. Краснодар, 5–116.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Київ.
- Анохин, В.А., Сон, Н.А. 2016: Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса. *Археологія і давня історія України* 1(18). Київ, 92–95.
- Антонова, Е.В. 1990: *Обряды и верования первобытных земледельцев Востока*. М.
- Арсеньева, Т.М. 1970: Могильник у д. Ново-Отрадное. В кн.: А.И. Мелюкова (ред.), *Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э.* (МИА 155). М., 82–149.
- Арсеньева, Т.М. 1977: *Некрополь Танаиса*. М.
- Артемова, О.Ю. 2000: Линидж. В кн.: В.А. Тишков (ред.), *Народы и религии мира. Энциклопедия*. М., 888.
- Бертъе-Делагард, А.Л. 1907: Случайная находка древностей близ Ялты. *ЗООИД* 27(5), 19–27.
- Блаватский, В.Д. 1951: Харакс. В кн.: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. Т. I. М., 250–291.
- Богатырев, П.Г. 1971: Функции национального костюма в Моравской Словакии. В кн.: П.Г. Богатырев (ред.), *Вопросы теории народного искусства*. М., 298–366.
- Буров, Г.М. 1991: Физико-географические области Крыма и хозяйственно-культурная дифференциация его населения в каменном, бронзовом и раннем железном веке. В сб.: *Проблемы истории Крыма*. Вып. 1. Симферополь, 17–19.
- Веймарн, Е.В., Стржелецкий, С.Ф. 1952: К вопросу о славянах в Крыму. *ВИ* 4, 94–99.
- Воронов, Ю.Н. 1979: *Древности Сочи и его окрестностей*. Краснодар.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гаврилов, А.В., Труфанов, А.А. 2014: Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму. *История и археология Крыма* 1. Симферополь, 73–152.
- Грацианская, Л.И. 2004: Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio». Cap. 53. lin. 1–492). В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 1. СПб., 87–94.

²⁵⁵ См. Гаврилов, Труфанов 2014, 110–114; Новиченкова 2015, 111–112; 2017, 13–14.

²⁵⁶ См. напр. App. Mith. 15.67, 69.13.

- Гушина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в юго-западном Крыму*. М.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скептуха I в.н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Доде, З.В. 2008: *Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII вв. (реконструкция этносоциальной истории)*: автореф. дисс. на соискание степени доктора исторических наук. М.
- Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. 2017: *Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея)*. М.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в.н.э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П., Волошинов, А.А., Кюнелът, Э., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И., Фирсов, К.Б., Флесс, Ф. 2007: Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в Юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 249–290.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2007: Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя скифского. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 81–108.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И., Неневоля, И.И., Фирсов, К.Б., Радочин, В.Ю. 2005: Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК. *ХС* 14, 169–196.
- Зубарь, В.М. 1982: *Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э.* Киев.
- Зубарь, В.М. 1990: Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса. *Археологія* 2, 107–114.
- Зубарь, В.М. 1998: *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.)*. Киев.
- Зубарь, В.М. 2002: Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8–179.
- Зубарь, В.М. 2005: Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II вв. до н.э. В кн.: В.М. Зубарь (ред.), *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев, 209–242.
- Калашник, Ю.П. 2013: Пантикапейские индикации. В сб.: Ю.А. Виноградов, М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский (ред.), *ФИДИТИЯ: Памяти Юрия Викторовича Андреева = ФЕΙΔΙΤΙΑ: In memory of Yury Viktorovich Andreev*. СПб., 85–99.
- Катюшин, Е.А. 1994: Об античной Кафе. В сб.: А.И. Айбабин (ред.), *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)*. Тезисы конференции. Симферополь, 28–30.
- Коваленко, С.А. 2015: Монетовидные индикации в Северном Причерноморье (Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский). В сб.: С.А. Коваленко (ред.), *Монеты и медали (Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина)*. Вып. III. М., 16–28.
- Колодченко, П.Н. 2018: Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное. *ХС* 19, 153–162.
- Колотухин, В.А. 1996: *Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века*. Киев.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое*. Киев.
- Костромичев, Д.А. 2011: Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15–164.

- Костромичев, Д.А. 2018: Римское военное снаряжение из могильника Совхоз–10. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Т. III. Симферополь, 103–120.
- Крадин, Н.Н. 2012: Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ. В сб.: В.А. Попов (ред.), *Ранние формы политических систем*. СПб., 159–180.
- Крадин, Н.Н. 2015: Понятие «племя» в современной антропологии. *Петербургские славянские и балканские исследования 2* (июль–декабрь), 4–12.
- Кропоткин, В.В. 1961: *Клады римских монет на территории СССР* (САИ Г4-4). М.
- Куббель, Л.Е. 1988: *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.
- Кухаренко, Ю.В. 1959: Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА 1*, 31–51.
- Ланцов, С.Б. 2015: Основные этапы строительства Кутлакской крепости. В сб.: И.Б. Тесленко (ред.), *Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паришиной* (Археологический альманах 33), 39–54.
- Ларенок, В.А. 2013а: *Меотские древности*. Ч. 1. Ростов-на-Дону.
- Лобачева, Н.П. 1989: О некоторых чертах региональной общности в традиционном costume народов Средней Азии и Казахстана. В сб.: Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова (ред.), *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*. М., 5–38.
- Лысенко, А.В. 2003: Пещерные некрополи горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.). *Vita antiqua 5–6*, 85–107.
- Лысенко, А.В. 2004а: Исследования Чатыр-Дагского некрополя в 2002 г. *ABU 2002–2003 pp.* Вип. 6, 36–39.
- Лысенко, А.В. 2004б: Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя. В сб.: С.Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский (ред.), *У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца)*. Симферополь, 226–239.
- Лысенко, А.В. 2005: Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб., 230–236.
- Лысенко, А.В. 2007: Римские монеты конца III – начала IV вв. в южной части Таврики. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 187–192.
- Лысенко, А.В. 2009: Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). *Stratum plus 4*, 374–400.
- Лысенко, А.В. 2010: «Поселения» римского времени Алуштинской долины. В сб.: Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский (ред.), *Древняя и средневековая Таврика* (Археологический альманах 22), 259–277.
- Лысенко, А.В. 2011: Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая. *Археологічні дослідження в Україні 2010*. Київ, Полтава, 223–224.
- Лысенко, А.В. 2012: О формировании нумизматического комплекса святилища римского времени в Аутке (Южный Крым). *Stratum plus 6*, 81–104.
- Лысенко, А.В. 2014: Топонимика Южной части Горного Крыма римского времени. В сб.: В. Мордвинцева, Г. Хэрке, Т. Шевченко (ред.), *Археологические и лингвистические исследования*. Киев, 101–122.
- Лысенко, А.В. 2015: История исследования Южной части Горного Крыма римского времени. В сб.: И.Б. Тесленко (ред.), *Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паришиной*. Киев, 55–107.
- Лысенко, А.В. 2018: Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н.э. – IV в. н.э.). В сб.: В.Ю., Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Т. 2. СПб., 218–225.

- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В. 2016: Римская фигурная гиря из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым). *История и археология Крыма* 3, 162–178.
- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И. 2015: Могила № 1 некрополя Лучистое-2 (Южный Крым). *История и археология Крыма* 2, 295–333, 620–628.
- Лысенко, А.В., Тесленко, И.Б., Мусин, А.Е. 2017: Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму. В сб.: А.Е. Мусин (ред.), *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. СПб., 291–310, 641.
- Лысенко, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2004: Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.). В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *«О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена)*. Киев, 94–166.
- Масыкин, В.В. 2007: Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 125–138.
- Масыкин, В.В. 2012: Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной*. М., 167–171.
- Махно, Є.В. 1960: Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. *Археологічні пам'ятки УРСР* 9. Київ, 14–38.
- Минасян, Р.С. 2014: *Металлообработка в древности и Средневековье*. СПб.
- Мордвинцева, В.И. 2009: Взаимоотношения Боспора, Херсонеса и их варварской округи в III в. до н.э. – II в. н.э. по материалам ювелирных украшений и предметов торевтики. В сб.: В.Ю. Зуев (отв. ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 433–437.
- Мордвинцева, В.И. 2015: Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка. *Stratum plus* 4, 115–142.
- Мордвинцева, В.И. 2017а: «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма». Формирование и развитие понятий. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)*. Симферополь–М., 15–33.
- Мордвинцева, В.И. 2017б: Культурно-исторические процессы в «варварских» социумах Крыма III в. до н. э. – III в. н. э. по материалам погребальных комплексов элиты. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в.н.э.)*. Симферополь, Москва, 183–224, 290–299.
- Мордвинцева, В.И. 2017с: Мир-системный анализ в археологии на примере звериного стиля Северного Причерноморья сарматского времени. В сб.: Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков (ред.), *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей*. Владивосток, 199–203.
- Мордвинцева, В.И. 2018: Принципы и методы сравнительного анализа погребальных памятников элиты. В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы археологии и музееведения. Памяти Н.В. Хабаровой*. Волгоград, 192–197.
- Мордвинцева, В.И., Лысенко, А.В. 2016: Исследования могильника римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). *Археологічні дослідження в Україні 2015*. Київ, 7–10.
- Мульд, С.А. 1999: Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму. *ХС* 10, 181–193.
- Мульд, С.А., Масыкин, В.В. 2003: Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки. *МАИЭТ* 10, 5–31.

- Мыц, В.Л., Лысенко, А.В., Шукин, М.Б., Шаров, О.В. 2006: *Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму*. СПб.
- Нессель, В.А. 2017: Могильник рубежа эр в горном Крыму. В кн.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции*. Саки, 183–185.
- Нессель, В.А. 2018а: Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму. *ХС* 19, 217–228.
- Нессель, В.А. 2018b: Новые данные о варварском населении Юго-Западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Т. 2. СПб., 225–230.
- Новиченкова, М.В. 2017: *Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н.е. – I ст. н.е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло)*: автореф. дис. ... к. і. н. Київ.
- Новиченкова, Н.Г. 2002: *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Орлов, К.К. 1987: Ай-Тодорский некрополь. В кн.: Т.Н. Высотская (отв. ред.), *Материалы к этнической истории Крыма*. Киев, 106–133.
- Павлов, В. 1965: *Фаюмский портрет*. М.
- Пиоро, И.С. 1990: *Крымская Готия*. Киев.
- Подгородецкий, П.Д. 1988: *Крым: Природа*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь, М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь, М.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А. А. 2017b: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг.* Симферополь, М.
- Пяташева, Н.В. 1956: *Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н. э. – IV век н. э.* М.
- Русанова, И.П. 2002: *Истоки славянского язычества*. Черновцы.
- Савеля, О.Я., Савеля, Д. Ю. 2018: Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах). *ХС* 19, 269–288.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45–81.
- Сарновски, Т. 2000: Надгробие вольноотпущенников IOSPE P² 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонес. В кн.: Т. Сарновски, О.Я. Савеля (ред.), *Баллаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. Варшава, 206–211.
- Сергацков, И.В. 2000: *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.
- Сидоренко, В.А. 1994: Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики. В сб.: А.И. Айбабин (ред.), *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)*. Тезисы международной конференции. Симферополь, 65–69.
- Сидоренко, В.А. 2001: Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н.э. *МАИЭТ* 8, 436–453.
- Стоянова, А.А. 2011: Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 115–151.

- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2004: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* 4 (2003–2004), 27–277.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства*. Киев.
- Тишков, В.А. 2003: *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.
- Трейстер, М.Ю. 1992: Бронзолитейное ремесло Боспора. *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств* 10, 66–110.
- Труфанов, А.А. 2001: К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени). В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Поздние скифы Крыма*. М., 71–77.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum-plus* 4, 117–328.
- Труфанов, А.А. 2011: Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. *Stratum plus* 4, 225–270.
- Труфанов, А.А. 2017: Парное детское погребение из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* 6, 33–41, 145, 146.
- Труфанов, А.А. 2018: Подбойная могила с детским погребением из Усть-Альминского некрополя. *ИАК* 7, 132–148, 205, 206.
- Труфанов, А.А., Юрочкин, В. Ю. 1999: Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н.э. В сб.: В.Ю. Зувев (отв. ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 241–251.
- Храпунов, И.Н. 1998: Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму. *МАИЭТ* 6, 230–236.
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры)*. Люблин.
- Храпунов, И.Н. 2004: *Этническая история Крыма в раннем железном веке (БИ 6)*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2006: Погребения детей в могильнике Нейзац. *МАИЭТ* 12/1, 161–250.
- Храпунов, И.Н. 2010: Изделия, сплетенные из железных колец. *БИ* 23, 459–462.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–114.
- Храпунов, И.Н. 2013: Особенности могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н. э.)*. Т. I. Симферополь, Бахчисарай, 188–206.
- Храпунов, И.Н. 2016: Население горного Крыма позднеримского времени. *ВДИ* 1, 118–134.
- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В., Мульд, С.А. 1998: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. *Бахчисарайский сборник* 1, 76–155.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А., Стоянова, А.А. 2009: *Позднескифский склеп из могильника Опушки*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. *Бахчисарайский сборник* 2, 105–168.
- Шкорпил, В.В. 1907: Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. *ИАК* 25, 1–66.
- Юрочкин, В.Ю. 1997: Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму. В сб.: (ред.), *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы международной конференции*. Севастополь, 128–133.
- Юрочкин, В.Ю. 1999: Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. В сб.: П.П. Толочко

- (ред.), *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова)*. III Граковские чтения. Запорожье, 279–281.
- Юрочкин, В.Ю. 2002а: Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? В сб. В.Ю. Зуев (ред.) *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. 2. СПб., 125–137.
- Юрочкин, В.Ю. 2002b: Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики. В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Украины – Руси*. *Материалы конференции*. Киев–Судак, 280–283.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2007: Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. В кн.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 359–382.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм древней Евразии: ираноязычные народы*. М.
- Allason-Jones, L. 1989: *Ear-Rings in Roman Britain* (BAR IS 201). Oxford.
- Burgunder, P. 2018: Une présence militaire bosporane à Rome? Les empreintes d'antoniniani de Pupienus dans les nécropoles de Panticapée. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *«ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка»*. *Материалы научной конференции*. Севастополь, Симферополь, М., 27–32.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: J. Gagoshidze, A. Furtwängler, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome: The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 165–189.
- Kazanski, M. 1991: *Les Goths (Ier–VIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Lysenko, A.V. 2013: Das Heiligtum Eklizi-Burun in römischer Zeit. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 276–283.
- Lysenko, O. 2014: Southern Part of the Crimean mountains in the Roman period. In: M. Iakob (ed.), *Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. Catalogue of the itinerant exhibition*. Tulcea, 132–135.
- Lysenko, A., Masyakin, V. 2012: Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burun sanctuary) in Age of Augustus. In: M. Jacob (ed.), *The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference*. Tulcea, 22–23.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. (eds.) 1949: *The Roman imperial coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III – Uranius Antoninus*. London.
- Maxfield, V.A. 1981: *The Military Decorations of the Roman Army*. London.
- Mordvinceva, V., Treister, M. 2007: *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet*. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. (Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2). Vol. 1–3. Simferopol–Bonn.
- Muld, S. 2013: Die Nekropole von Levadki. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 324–331.
- Pirzio, L., Stefanelli, B. 1992: *L'oro dei Romani: Gioielli di eta imperial*. Roma.
- Popović, I. 1997: *Masterpieces of Roman Goldsmiths. The National Museum Belgrade Collection*. Belgrade.
- Schönberger, H. 1956: Römische Vorhängeschlösser mit Maskendeckel. *Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburgmuseums* 15, 81–94.
- Sear, D. R. 2010: *Greek Imperial Coins and their values. The Local Coinages of the Roman Empire*. London.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2015: Zoloty indikatsii s antichnykh monet iz raskopok Fanagorii [Gold danakes of the antique coins from excavations at Phanagoreia]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [*Gold of Phanagoria*] (Fanagoria [Phanagoria] 2). Moscow, 182–193.
- Abramson, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., Vnukov, S.Yu. 2017: Zolotaya indikatsiya s polufollisa Konstantina I iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [Gold danake of the half-follis of Konstantine I from the Eastern necropolis of Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS*] 249/I, 282–290.
- Alekseeva, E.M. 1982: Yugo-vostochnaya chast' nekropolya Gorgippii [South-Eastern part of the necropolis of Gorgippia]. In: I.T. Kruglikova (ed.), *Gorgippia* [*Gorgippia*]. Krasnodar, 5–116.
- Allason-Jones, L. 1989: *Ear-Rings in Roman Britain* (BAR IS 201). Oxford.
- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [*History of Cimmerian Bosphorus*]. Kiev.
- Anokhin, V.A., Son, N.A. 2016: Zoloty indikatsii monet iz raskopok nekropolya Khersonesa [Gold prints from coins from excavations of the necropolis of Chersonesos]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* [*Archaeology and ancient history of Ukraine*] 1(18). Kiev, 92–95.
- Antonova, E.V. 1990: *Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev Vostoka* [*Rituals and beliefs of ancient husbandmen of the East*]. Moscow.
- Arsen'eva, T.M. 1970: Mogilnik u d. Novo-Otradnoe [Cemetery near village of Novootradnoe]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Poseleniya i mogilniki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e.* [*Settlements and cemeteries of Kerch peninsula of the beginning of our era*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and studies on archaeology of USSR] 155). Moscow, 82–149.
- Arseneva, T.M. 1977: *Nekropol Tanaisa* [*Necropolis of Tanais*]. Moscow.
- Artyemova, O.Yu. 2000: Linidzh [Lineage]. In: V.A. Tishkov (ed.), *Narody i religii mira. Entsiklopediya* [*Peoples and religions of the world. Encyclopedia*]. Moscow, 888.
- Aybabyn, A.I. 1984: Problemy khronologii mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo perioda [Problems of chronology of the Crimean necropoleis of the Late Roman period]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 104–122.
- Aybabyn, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)* [*Crimean Goths of the land of Dori (mid III – VII c.)*]. Simferopol.
- Bert'e-Delagard, A.L. 1907: Sluchaynaya nakhodka drevnostey bliz Yalty [A chance find of antiquities near Yalta]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [*Notes of Odessa Society for History and Antiquities*] 27(5), 19–27.
- Blavatskiy, V.D. 1951: Kharaks [Charax]. In: V.D. Blavatskiy, B.N. Grakov (eds.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu* [*Materials on the archaeology of North Pontic region in classical epoch*]. Vol. 1. Moscow, 250–291.
- Bogatyryev, P.G. 1971: Funktsii natsionalnogo kostyuma v Moravskoy Slovaki [Functions of a national costume in Moravian Slovakia]. In: P.G. Bogatyryev (ed.), *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [*Issues of the theory of a folk art*]. Moscow, 298–366.
- Burgunder, P. 2018: Une présence militaire bosporane à Rome? Les empreintes d'antoniniani de Pupienus dans les nécropoles de Panticapée. In: N.A. Alekseenko (ed.), «PriPONTiyskiy menyala: dengi mestnogo rynka». *Materialy nauchnoy konferentsii* [*"A Pontic moneychanger: money of local markets"*]. *Materials of the scientific conference*. Sevastopol–Simferopol–Moscow, 27–32.
- Burov, G.M. 1991: Fiziko-geograficheskie oblasti Kryma i khozyaystvenno-kulturnaya differentsiatsiya ego naseleniya v kamennom, bronzovom i rannem zheleznom veke [Physical-geographical areas of the Crimea and the economic-cultural differentiation of its population

- in Stone, Bronze and Early Iron Age]. *Problemy istorii Kryma [Problems of the history of the Crimea]* 1, 17–19.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol Belyausa [The necropolis of Belyaus]*. Simferopol.
- Dode, Z.V. 2008: *Kostyum naseleniya Severnogo Kavkaza VII–XVII vv. (rekonstruktsiya etno-sotsialnoy istorii) [The costume of inhabitants of North Caucasus in 7th–17th centuries (a reconstruction of ethnic-social history)]*. Moscow.
- Dvornichenko, V.V., Fyedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n. e. u s. Kosika Astrakhanskoj oblasti [The Sarmatian burial of a skeptukh of the 1st c. BC near the village of Kosika, Astrakhan region]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 141–179.
- Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2014: Svyatilishche Tuar-Alan II v. do n. e. – pervoy poloviny I v. n. e. v Yugo-Vostochnom Krymu [The sanctuary of Tuar-Alan of the 2nd c. BC to the first half of the 1st c. AD in the South-Eastern Crimea]. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of the Crimea]* 1. Simferopol, 73–152.
- Gogiberidze, N. 2008: Jewelry. In: J. Gagoshidze, A. Furtwängler, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome: The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 165–189.
- Gratsianskaya, L.I. 2004: Rannie khersonesskie syuzhety Konstantina Bagryanorodnogo kak istochnik po istorii Bospora [Early Chersonesean subjects of Constantine Porphyrius as a source on the history of Bosphorus] («De administrando imperio». Cap. 53. lin. 1–492). In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov [Bosporan phenomenon. Problems of chronology and dating of monuments]*. Pt. 1. Saint Petersburg, 87–94.
- Gushchina, I.I., Zhuravlyev, D.V. 2016: *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v yugo-zapadnom Krymu [A necropolis of the Roman period Belbek IV in South-Western Crimea]*. Moscow.
- Kalashnik, Yu.P. 2013: Pantikapeyskie indikatsii [Panticapaeian imprints from coins]. In: Yu.A. Vinogradov, M.Yu. Vakhtina, V.A. Goroncharovskiy (eds.), *FIDITIYA: Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva = ΦΕΙΛΙΤΙΑ: In memory of Yuriy Viktorovich Andreev*. Saint Petersburg, 85–99.
- Katyushin, E.A. 1994: Ob antichnoy Kafe [On the ancient Kafa]. In: A.I. Aybabin (ed.), *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.) [Byzantine Empire and peoples of Pontic and Mediterranean in Early Medieval period (4th – 9th cc.)]*. Simferopol, 28–30.
- Kazanski, M. 1991: *Les Goths (Ier–VIIe siècles ap. J.-C.)*. Paris.
- Khrapunov, I.N. 1998: Dve gruntovye mogily iz nekropolya Neyzats v Krymu [Two graves from the necropolis of Neyzats in the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* 6, 230–236.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogilnik Druzhnoe (III–IV vv. nashey ery) [The cemetery of Druzhnoe (3rd – 4th cc. AD)]*. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2004: *Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke [The ethnic history of the Crimea in Early Iron Age]*. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2006: Pogrebeniya detey v mogilnike Neyzats [Burials of children in the cemetery of Neyzats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* 12.1, 161–250.
- Khrapunov, I.N. 2010: Izdeliya spletennye iz zheleznykh kolets [Items woven from iron rings]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus Studies]* 23, 459–462.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogilnika Neyzats [Some results of studying the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogilnika Neyzats [Studies of the necropolis of Neyzats]*. Simferopol, 13–114.

- Khrapunov, I.N. 2013: Osobennosti mogilnika Neyzats [Peculiarities of the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD)]. Vol. I. Simferopol–Bakhchisaray, 188–206.
- Khrapunov, I.N. 2016: Naselenie gornogo Kryma pozdnerimskogo vremeni [The population of the Mountain Crimea in the Late Roman period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 118–134.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Muld, S.A. 1998: Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late Scythian cemetery near the village of Kolchugino]. *Bakhchisarayskiy sbornik* [Bakhchisaray collection] 1, 76–155.
- Khrapunov, I.N., Muld, S.A., Stoyanova, A.A. 2009: *Pozdneskifskiy sklep iz mogilnika Opushki* [A Late Scythian vault from the cemetery of Opushki]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Muld, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogilnik u s. Levadki [The Late Scythian cemetery near the village of Levadki]. *Bakhchisarayskiy sbornik* [Bakhchisaray collection] 2, 105–168.
- Kolodchenko, P. N. 2018: Kompleks metallicheskih izdeliy iz varvarkogo mogilnika u s. Goncharnoe [A complex of metal items from a barbarian necropolis near village of Goncharnoe]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 153–162.
- Kolotukhin, V.A. 1996: *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznoogo veka* [The Mountain Crimea in Late Bronze Age – Early Iron Age]. Kiev.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol Zolotoe* [The necropolis of Zolotoe]. Kiev.
- Kostromichyev, D.A. 2011: Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoy polovine V vv. (po dannym archaeologii) [Roman military presence in Chersonesos in the early 1st – first half of the 5th c. AD (in accordance with archaeological data)]. *Stratum plus* 4, 15–164.
- Kostromichyev, D.A. 2018: Rimskoe voennoe snaryazhenie iz mogilnika Sovkhoz-10 [Roman military equipment from the cemetery of Sovkhoz-10]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD)]. Vol. III. Simferopol, 103–120.
- Kovalenko, S.A. 2015: Monetovidnye indikatsii v Severnom Prichernomor’e (Khersones Tavricheskii i Bospor Kimmeriyskiy) [The coin-looking danakes in the North Pontic region (Chersonesos Taurica and Cimmerian Bosphorus)]. In: S.A. Kovalenko (ed.), *Monety i medali* [Coins and medals]. Vol. III. Moscow, 16–28.
- Kradin, N.N. 2012: Arkheologicheskie kriterii tsivilizatsii: kross-kul’turnyy analiz [The archaeological criteria of civilization: a cross-cultural analysis]. In: V.A. Popov (ed.), *Rannie formy politicheskikh sistem* [The early forms of political systems]. Saint Petersburg, 159–180.
- Kradin, N.N. 2015: Ponyatie “plemya” v sovremennoy antropologii [The term “tribe” in the modern anthropology]. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* [The Peterburg Slavic and Balkan studies] 2 (iyul’–dekabr’ [July–December]), 4–12.
- Kropotkin, V.V. 1961: *Klady rimskikh monet na territorii SSSR* [Deposits of Roman coins on the territory of USSR]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of archaeological sources] G4-4). Moscow.
- Kubbel, L.E. 1988: *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Essays of potestas-political ethnography]. Moscow.
- Kukharenko, YuV. 1959: Rasprostranenie latenskikh veshchey na territorii Vostochnoy Evropy [A distribution of La Tène objects on the territory of Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 31–51.
- Lantsov, S.B. 2015: Osnovnye etapy stroitel’sтва Kutlaskoy kreposti [Main stages in building of the fortress in Kutlak]. In: I.B. Teslenko (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoy* [Ancient

and Medieval Taurica. A collection of articles devoted to jubilee of Elena Aleksandrovna Parshina]. Kiev, 39–54.

- Larenok, V.A. 2013: *Meotskie drevnosti [Maiotian Antiquities]*. Pt. 1. Rostov-on Don.
- Lobachyeva, N.P. 1989: O nekotorykh chertakh regional'noy obshchnosti v traditionnom kostyume narodov Sredney Azii i Kazakhstana [About some features of regional community in the traditional costume of peoples of Middle Asia and Kazakhstan]. In: N.P. Lobachyeva, M.V. Sazonova (eds.), *Traditsionnaya odezhda narodov Sredney Azii i Kazakhstana [Traditional cloths of peoples of Middle Asia and Kazakhstan]*. Moscow, 5–38.
- Lysenko, A.V. 2003: Peshchernye nekropoli gornogo Kryma epokhi rannego zheleza – pozdneantichnogo vremeni (IX v. do n. e. – IV v. n. e.) [Cave necropoleis of the Mountain Crimea in Early Iron Age to Late Antiquity (9th c. BC – 4th c. AD)]. *Vita antiqua* 5–6, 85–107.
- Lysenko, A.V. 2004a: Issledovaniya Chatyr-Dagskogo nekropolya v 2002 g. [Studies of Chatyr-Dag necropolis in 2002]. *Arkheologichni vidkryttya v Ukraini v 2002–2003 rr. [Archaeological discoveries in Ukraine in 2002–2003]*, 36–39.
- Lysenko, A.V. 2004b: Pogrebal'nyy obryad Chatyr-Dagskogo nekropolya [The burial rite of Chatyr-Dag necropolis]. In: S.G. Koltukhov, S.B. Lantsov, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *U Ponta Evksinskogo (pamyati P. N. Shultsa) [At the Pontus Euxinos (in Memoriam of P. N. Shults)]*. Simferopol, 226–239.
- Lysenko, A.V. 2005: Novoe poselenie rimskogo vremeni na Yuzhnom beregu Kryma [A new settlement of Roman period on Southern coast of the Crimea]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: Problemy sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov [Bosporan phenomenon. Problems of co-relation of written and archaeological sources]*. Saint Petersburg, 230–236.
- Lysenko, A.V. 2007: Rimskie monety kontsa III – nachala IV vv. v yuzhnoy chasti Tavriki [Roman coins of the late 3rd – early 4th century in the Southern part of Taurica]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 187–192.
- Lysenko, A.V. 2009: Svyatilishcha rimskogo vremeni yuzhnoy chasti Gornogo Kryma (opyt sistematzatsii) [Sanctuaries of Roman period in Southern part of the Mountain Crimea (an experience of systematization)]. *Stratum plus* 4, 374–400.
- Lysenko, A.V. 2010: “Poseleniya” rimskogo vremeni Alushtinskoy doliny [“Settlements” of Roman times in Alushta valley]. In: Yu.P. Zaytsev, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *Drevnyaya i srednekovaya Tavrika [Ancient and Medieval Taurica]*. Donetsk, 259–277.
- Lysenko, A.V. 2011: Pozdneantichnyy – srednekovyy kultovyy kompleks na gore Pakhkal-Kaya [Late antique – medieval cult complex on the Mt Pakhkal-Kaya]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2010 [Archaeological studies in Ukraine 2010]*. Kiev–Poltava, 223–224.
- Lysenko, A.V. 2012: O formirovaniy numizmaticheskogo kompleksa svyatilishcha rimskogo vremeni v Autke (Yuzhnyy Krym) [On the forming of a numismatic complex of the sanctuary of Roman period in Autka (South Crimea)]. *Stratum plus* 6, 81–104.
- Lysenko, A.V. 2013: Das Heiligtum Eklizi-Burun in römischer Zeit. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 276–283.
- Lysenko, A.V. 2014: Toponimika Yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni [The toponymy of Southern part of the Mountain Crimea in Roman period]. In: V. Mordvintseva, H. Härke, T. Shevchenko (eds.), *Arkheologicheskije i lingvisticheskie issledovaniya [Archaeological and linguistic studies]*. Kiev, 101–122.

- Lysenko, A.V. 2015: Istoriya issledovaniya Yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni [History of research of Southern part of the Mountain Crimea of Roman period]. In: I.B. Teslenko (ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu Eleny Aleksandrovny Parshinoy* [Ancient and Medieval Taurica. A collection of articles devoted to jubilee of Elena Aleksandrovna Parshina]. Kiev, 55–107.
- Lysenko, A.V. 2018: Kulturno-istoricheskie protsessy v yuzhnoy chasti Gornogo Kryma rimskogo vremeni (I v. do n.e. – IV v. n.e.) [Cultural-historical processes in Southern part of the Mountain Crimea of Roman period (1st c. BC – 4th c. AD)]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy Fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. Common and special in the historical and cultural space of the Classical world]. Vol. 2. Saint Petersburg, 218–225.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V. 2012: Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burun sanctuary) in Age of Augustus. In: M. Jacob (ed.), *The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference*. Tulcea, 22–23.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V. 2016: Rimskaya figurnaya girya iz svyatilishcha Eklizi-Burun (Yuzhnyy Krym) [A Roman figured weight from the sanctuary of Eklizi-Burun (South Crimea)]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 3, 162–178.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I. 2015: Mogila № 1 nekropolya Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Grave no. 1. in the necropolis Luchistoe-2 (South Crimea)]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 2, 295–333, 620–628.
- Lysenko, A.V., Teslenko, I.B., Musin, A.E. 2017: Srednevekovyy khristianskiy khram na gore Pakhkal-Kaya v Yuzhnom Krymu [A medieval Christian temple on Mt. Pakhkal-Kaya in the Southern Crimea]. In: A.E. Musin (ed.), *V kamne i v bronze. Sbornik statey v chest Anny Peskovoy* [In stone and in bronze. A collection of articles devoted to Anna Pekova]. Saint Petersburg, 291–310, 641.
- Lysenko, A.V., Yurochkin, V.Yu. 2004: Nekropol Pantikapeya-Bospora (po materialam issledovaniy 2000–2002 gg.) [Necropolis of Pantikapaion-Bosporus [after materials of study in 2000–2002]]. In: V.L. Myts (ed.), *O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh* [On the antiquities of the Southern coast and mountains of Taurica]. Kiev, 94–166.
- Lysenko, O. 2014: Southern Part of the Crimean Mountains in the Roman period. In: M. Iakob (ed.), *Roman Art and Civilization – a Common Language in Antiquity. Catalogue of the itinerant exhibition*. Tulcea, 132–135.
- Makhno, E.V. 1960: Rozkopky pam'yatok epokhi bronzy ta sarmats'kogo chasu v s. Ust'-Kam'yantsi [Excavations of the sites of Bronze Age and Sarmatian time near village of Ust'-Kamenka]. *Arkheologichni pam'yatki URSS* [Archaeological monuments of Ukrainian Soviet Socialist Republic] 9, 14–38.
- Masyakin, V.V. 2007: Rimskie fibuly i detaili remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoe [Roman brooches and belt fittings from the necropolis of Zavetnoe]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]. Simferopol, 125–138.
- Masyakin, V.V. 2012: Detal' rimskogo shlema iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A detail of the Roman helmet from Ust'-Al'ma necropolis]. In: D.V. Zhuravlyev, K.B. Firsov (eds.), *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in Scythian-Sarmatian times. In memory of Irina Ivanovna Gushchina]. Moscow, 167–171.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. (eds.) 1949: *The Roman imperial coinage*. Vol. IV/3. *Gordian III – Uranius Antoninus*. London.
- Maxfield, V.A. 1981: *The Military Decorations of the Roman Army*. London.

- Minasyan, R.S. 2014: *Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e* [*Metalwork in Antiquity and Middle Ages*]. Saint Petersburg.
- Mordvinceva, V., Treister, M. 2007: *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr.* (Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2). Vol.1–3. Simferopol–Bonn.
- Mordvintseva, V.I. 2009: Vzaimootnosheniya Bospora, Khersonesa i ikh varvarskoy okrug i v III v. do n. e. – II v. n. e. po materialam yuvelirnykh ukrasheniy i predmetov toreutiki [Interrelations of the Bosporus, Chersonesos and their Barbarian surroundings from the 3rd c. BC to the 2nd c. AD based on the materials of jewellery and toreutics]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [*Bosporan phenomenon. Art on the periphery of Classical world*]. Saint Petersburg, 433–437.
- Mordvintseva, V.I. 2015: Sotsial'naya struktura naseleniya gorodishcha u s. Zolotaya Balka [A social structure of the population of the fortified settlement near Zolotaya Balka village]. *Stratum plus* 4, 115–142.
- Mordvintseva, V.I. 2017a: “Krymskaya Skifiya” i “Pozdneskifskaya kul'tura Kryma”. Formirovaniye i razvitiye ponyatiy [“Crimean Scythia” and “Late Scythian Culture of the Crimea”. Formation and development of the terms]. In: A.I. Ivanchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kulturnykh svyazey mezhd u Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [*Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (the 3rd c. BC to 7th c. AD)*]. Simferopol–Moscow, 15–33.
- Mordvintseva, V.I. 2017b: Kul'turno-istoricheskie protsessy v varvarskikh sotsiumakh Kryma v III v. do n.e. – III v.n.e. [Cultural-historical processes in the Barbarian societies of the Crimea from the 3rd c. BC. to the 3rd c. AD after materials of funeral complexes of the elite]. In: A.I. Ivanchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kulturnykh svyazey mezhd u Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [*Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (the 3rd c. BC to 7th c. AD)*]. Simferopol– Moscow, 183–224, 290–299.
- Mordvintseva, V.I. 2017c: Mir-sistemnyy analiz v arkheologii na primere zverinogo stilya Severnogo Prichernomor'ya [World-system approach in archaeology on example of Animal Style of the North Pontic region]. In: N.N. Kradin, A.G. Sitdikov (eds.), *Mezhd u Vostokom i Zapadom: dvizheniye kultur, tekhnologiy i imperiy. III Internationalnyy kongress srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey* [*Between East and West: Movement of cultures, technologies and empires. The 3rd International congress of medieval archaeology of Eurasian steppes*]. Vladivostok, 199–203.
- Mordvintseva, V.I. 2018: Printsipy i metody sravnitel'nogo analiza pogrebal'nykh pamyatnikov elity [Principles and methods of a comparative analysis of funeral monuments of elite]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Problemy arkheologii i muzevedeniya. Pamyati N.V. Khabarovoy* [*Problems of archaeology and museum study. In memory of N. V. Khabarova*]. Volgograd, 192–197.
- Mordvintseva, V.I., Lysenko, A.V. 2016: Issledovaniya mogil'nika rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Studies of the necropolis of Luchistoe-2 (South Crimea) dated to the Roman period]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini* [*Archaeological studies in Ukraine*]. Kiev, 7–10.
- Muld, S.A. 1999: Neobychnye konstruktсии i detali pogrebal'nykh sooruzheniy mogil'nikov pervykh vekov nashey ery v Tsentral'nom Krymu [Unusual constructions and details of burial constructions in cemeteries of the early centuries AD in the Central Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesean collection*] 10, 181–193.
- Muld, S.A. 2013: Die Nekropole von Levadki. In: S. Müller, M. Schmauder (eds.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M., 324–331.

- Muld, S.A., Masyakin, V.V. 2003: Pozdneskifskiy sklep № 20 mogil'nika u s. Levadki [The Late Scythian catacomb no. 20 of the necropolis near the village of Levadki]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 10, 5–31.
- Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006: *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag – a necropolis of Roman epoch in the Crimea]. Saint Petersburg.
- Nessel, V.A. 2017: Mogilnik rubezha er v gornom Krymu [A cemetery of the turn of the eras in the Mountain Crimea]. In: D.A. Kostromichyev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: Otкрыtiya, Nakhodki, Teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Antique relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories, Materials of the International Scientific conference]. Saki, 183–185.
- Nessel, V.A. 2018a: Keramicheskiy kompleks mogilnika u sela Goncharnoe v Yugo-Zapadnom Krymu [A ceramic complex of the cemetery near the village of Goncharnoe in the South-Western Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 217–228.
- Nessel, V.A. 2018b: Novye dannye o varvarskom naselenii Yugo-Zapadnogo Kryma rubezha er (po materialam gruntovykh mogil'nikov v okrestnostyakh Sevastopolya) [New data about the barbarian population of the South-Western Crimea on the turn of the eras (after materials of flat cemeteries in surroundings of Sevastopol)]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy Fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon. Common and special in the historical and cultural space of the Classical world]. Pt. 2. Saint Petersburg, 225–230.
- Novichenkova, M.V. 2017: *Ryms'ke viyskove sporyadzhennya v Tavritsi I st. do n. e. – I st. n. e. (za materialamy rozkopok svyatilishcha Gurzuf's'ke Sidlo)* [Roman military equipment in Taurica from the 1st c. BC to the 1st c. AD (after materials of excavations in the sanctuary Gurzufskoe Sedlo)]. Kiev.
- Novichenkova, N.G. 2002: *Ustroystvo i obryadnost svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [The arrangement and ritualism of the sanctuary near the passage of Gursufskoe Sedlo]. Yalta.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n. e. – II v. n. e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo* [The Mountain Crimea 2nd c. BC – 2 c. AD. After materials of excavations of the sanctuary near the passage of Gursufskoe Sedlo]. Simferopol.
- Orlov, K.K. 1987: Ay-Todorskiy nekropol [Ay-Todor necropolis]. In: T.N. Vysotskaya (ed.), *Materialy k etnicheskoy istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n. e.* [Materials to the ethnic history of the Crimea]. Kiev, 106–133.
- Pavlov, V. 1965: *Fayumskiy portret* [Fayum portrait]. Moscow.
- Pioro, I.S. 1990: *Krymskaya Gotiya* [Crimean Gothia]. Kiev.
- Pirzio, L., Stefanelli, B. 1992: *L'oro dei Romani: Gioielli di eta imperial*. Roma.
- Podgorodetskiy, P.D. 1988: *Krym: Priroda* [Crimea: Nature]. Simferopol.
- Popović, I. 1997: *Masterpieces of Roman Goldsmiths. The National Museum Belgrade Collection*. Belgrade.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebalnye pamyatniki* [Crimean Scythia 2nd c. BC – 3rd c. AD. Funeral objects]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* Simferopol–Moscow.

- Pyatysheva, N.V. 1956: *Yuvelirnye izdeliya Khersonesa. Konets IV veka do n. e. – IV vek n. e.* [Jewellery of Chersonesos. Late 4th c. BC – 4th c. AD]. Moscow.
- Rusanova, I.P. 2002: *Istoki slavyanskogo yazychestva* [Roots of the Slaveic paganism]. Chernovtsy.
- Saprykin, S.Yu. 2005: Enkomiy iz Pantikapeya i polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n.e. [An encomium from Pantikapaion and the Bosporan kingdom in the late 1st – early 2nd c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 45–81.
- Sarnowski, T. 2000: Nadgrobie volnootpushchennikov IOSPE P 562 i vopros o vremeni vvedeniya rimskogo garnizona v Khersones [A tomb-stone of freedmen IOSPE P 562 and a question of the entry of Roman garrison in Chersonesos]. In: T. Sarnowski, O.Ya. Savelya (eds.), *Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena* [Balaklava. The Roman military base and the sanctuary of Jupiter Dolichenus]. Warsaw, 206–211.
- Savelya, O.Ya., Savelya, D.Yu. 2018: Polyа pogrebalnykh urn v gorakh Yugo-Zapadnogo Kryma (po materialam razvedok 2014–2015 gg. v Baydarskoy i Varnutskoy dolinakh) [Fields of funeral urns in mountains of the South-Western Crimea (after materials of surveys in 2014–2015 in Baydarskaya and Varnutskaya valleys)]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesean collection] 19, 269–288.
- Schönberger, H. 1956. Römische Vorhängeschlösser mit Maskendeckel. *Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburgmuseums* 15, 81–94.
- Sear, D.R. 2010: *Greek Imperial Coins and their values. The Local Coinages of the Roman Empire*. London.
- Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian barrows in the Ilovlya]. Volgograd.
- Shkorpil, V.V. 1907: Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1904 g. [Report about excavations in Kerch in 1904]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 25, 1–66.
- Sidorenko, V.A. 1994: Nekotorye klyuchevye momenty rannesrednevekovoy istorii Tavriki [Some key moments of early medieval history of Taurica]. In: A.I. Aybabin (ed.), *Vizantiya i narody Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.)* [Byzantine Empire and peoples of Pontic and Mediterranean in Early Medieval period (4th – 9th c.)]. Simferopol, 65–69.
- Sidorenko, V.A. 2001: Zolotaya monetnaya chekanka Khersonesa I–II vv. n.e. [Gold coinage of Chersonesos 1st – 2nd c. AD.]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 8, 436–453.
- Stoyanova, A.A. 2011: Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogilnika Neyzats [Accessories of female costume of the 2nd – first half of the 3rd c. AD from Neyzats necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Studies of the necropolis of Neysats]. Simferopol, 115–151.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogilnika Neyzats [Pendants from the cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). 20 let issledovaniy mogilnika Neyzats* [The Crimea in Sarmatian epoch (2nd c. BC – 4th c. AD). 20 years of study of the cemetery of Neyzats]. Vol. II. Simferopol.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2004: Naselenie okrugy Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz 10») [The population of environs of Chersonese in the first half of the 1st millennium AD (after materials of the necropolis “Sovkhoz 10”).] *Stratum plus* 4 (2003–2004), 27–277.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva* [The population of the capital city of the Late Scythian kingdom]. Kiev.

- Tishkov, V.A. 2003: *Rekvjem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* [Requiem to the ethnos: Studies in social-cultural anthropology]. Moscow.
- Treister, M.Yu. 1992: Bronzolitaynoe remeslo Bospora [Bronze casting craft of the Bosporus]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitelnykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Reports of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 10, 66–110.
- Trufanov, A. A. 2001: K voprosu o khronologii brasletov s zoomorfnyimi okonchaniyami (po materialam krymskikh mogilnikov pozdneskifskogo vremeni) [On the issue about chronology of bracelets with zoomorphic endings (after materials of Crimean cemeteries of the Late Scythian period)]. In: D.V. Zhuravlyev, K.B. Firsov (eds.), *Pozdnie skify Kryma* [The Late Scythians of the Crimea]. Moscow, 71–77.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [Chronology of cemeteries of the Foothill Crimea from the 1st c. BC to the 3rd c. AD]. *Stratum-plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Trufanov, A.A. 2011: Metallicheskie amulety-podveski Severnogo Prichernomor'ya pervykh vekov n. e. [Metal amulet-pendants of the North Pontic region in the early centuries AD]. *Stratum plus* 4, 225–270.
- Trufanov, A.A. 2017: Parnoe detskoe pogrebenie iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A double child's burial from Ust'-Al'ma necropolis]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 6, 33–41, 145, 146.
- Trufanov, A.A. 2018: Podboynaya mogila s detskim pogrebeniem iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [A niche-grave with a child's burial from Ust'-Al'ma necropolis]. *Istoriya i arkhologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 7, 132–148, 205, 206.
- Trufanov, A.A., Yurochkin, V.Yu. 1999: Bosporo-khersonesskie otnosheniya i etno-politicheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii III–IV vv. n.e. [Bosporan-Chersonesean relations and the ethnic-political situation in Crimean Scythia in the 3rd – 4th c. AD]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [Bosporan phenomenon. Art on the periphery of Classical world]. St. Petersburg, 241–251.
- Veymarn, E.V., Strzheletskiy, S.F. 1952: K voprosu o slavyanakh v Krymu [On the question about Slavs in the Crimea]. *Voprosy Istorii* [Issues of History] 4, 94–99.
- Voronov, Yu.N. 1979: *Drevnosti Sochi i ego okrestnostey* [Antiquities of Sochi and its surroundings]. Krasnodar.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol* [Ust'-Al'ma settlement and necropolis]. Kiev.
- Yatsenko, S.A. 2006: *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [The costume of ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples]. Moscow.
- Yurochkin, V.Yu. 1997: Pamyatniki gruppy Ozyerno–Inkerman v pozdneantichnom Krymu [Sites of the Group Ozyerno–Inkerman in the Late Antique Crimea]. In: *Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskiy aspekt* [Chersonesos in the Classical world. Historical and archaeological aspect]. Sevastopol, 128–133.
- Yurochkin, V.Yu. 1999: Etno-politicheskaya situatsiya v pozdneantichnoy Tavrike v sochinanii Konstantina Bagryanorodnogo i arkhologicheskie realii [Ethnic-political situation in the Late Antique Taurica in the writings of Constantine Porphyrogenitus and archaeological realities]. In: P.P. Tolochko (ed.), *Problemy skifo-sarmatskoy arkhologii Severnogo Prichernomor'ya (k 100-letiyu B. N. Grakova). III Grakovskie chteniya* [Problems of the Scythian-Sarmatian archaeology of the North Pontic region (to the 100th anniversary of B. N. Grakov). The 3rd Grakov's readings]. Zaporozh'e, 279–281.
- Yurochkin, V.Yu. 2002a: Proiskhozhdenie skleпов Tsentral'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma: Bospor ili Kavkaz? [Genesis of the catacombs of Central and South-Western Crimea: Bosporus or Caucasus?]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki*

i svyatilishcha [Bosporan phenomenon: Burial sites and sanctuaries]. Pt. 2. Saint Petersburg, 125–137.

- Yurochkin, V.Yu. 2002b: Sudakskiy region v geopoliticheskoy istorii pozdneantichnoy Tavriki [Sudak region in the geo-political history of the Late Antique Taurica]. In: N.M. Kukovalskaya (ed.), *Sugdeya, Surozh, Soldaya v istorii i kulture Ukrainy – Rusi. Materialy konferentsii [Sugdea, Surozh, Soldaia in history and culture of the Ukraine – Rus. Materials of the conference]*. Kiev, Sudak, 280–283.
- Yurochkin, V.Yu., Trufanov, A.A. 2007: Khronologiya mogilnikov Tsentralnogo i Yugo-Zapadnogo Kryma 3–4 vv. n.e. [Chronology of cemeteries of the Central and South-Western Crimea in the 3rd – 4th c. AD]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 359–382.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol Skifskiy (II v. do n.e. – III v.n.e.) [Neapolis Scythica (2nd c. BC – 3rd c. AD)]*. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2007: Elitnyy nekropol 2 v. n. e. u tsentralnykh vorot Neapolya skifskogo [An elite necropolis dating to the 2nd c. AD near the central gates of Neapolis Scythica]. In: Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 81–108.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I., Nenevolya, I.I., Firsov, K.B., Radochin, V.Yu. 2005: Pozdneskifskiy mogilnik Balta-Chokrak u s. Skalistoe Bakhchisarayskogo rayona ARK. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesean collection]* 14, 169–196.
- Zaytsev, Yu.P., Voloshinov, A.A., Kühnelt, E., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I., Firsov, K.B., Fless, F. 2007: Pozdneskifskiy nekropol Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv. n. e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [The Late Scythian necropolis of Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st – 3rd c. AD in the South-Western Crimea. Excavations of year 2004]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy [Ancient Taurica. To the 80th anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]*. Simferopol, 249–290.
- Zhuravlyev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Gold of Chersonesos Taurica (Jewellery from the State History Museum)]*. Moscow.
- Zubar, V.M. 1982: *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I – IV vv. n. e. [The necropolis of Chersonesos Taurica of the 1st–4th c. AD]*. Kiev.
- Zubar, V.M. 1990: Notatki z latins'koy epigrafiki Khersonesa i Kharaksa [Notes from the Latin epigraphy of Chersonesos and Charax]. *Arkheologiya [Archaeology]* 2, 107–114.
- Zubar, V.M. 1998: *Severnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n. e. – pervaya polovina VI v. n. e.) [The Northern Pont and Roman Empire (mid-1st c. BC – first half of the 6th c. AD)]*. Kiev.
- Zubar, V.M. 2002: Rimskoe voennoe prisutstvie v Tavrike [Roman military presence in Taurica]. *Stratum plus* 4, 8–179.
- Zubar, V.M. 2005: Khersones i Severo-Zapadnaya Tavrika vo vtoroy treti III – pervoy polovine II vv. do n. e. [Chersonesos and North-Western Taurica in the second third of the 3rd – first half of the 2nd c. BC]. In: V.M. Zubar (ed.), *Khersones Tavricheskoy v tret'ey chetverti VI – seredine I vv. do n. e. Ocherki istorii i kul'tury [Chersonesos Taurica from the third quarter of the 6th to the mid-1st c. BC. Essays on history and culture]*. Kiev, 209–242.

COSTUME METAL JEWELRY – VOTIVES FOR THE EKLIZI-BURUN
SANCTUARY DATING TO THE ROMAN PERIOD
(TO THE CULTURAL ATTRIBUTION OF SITE)

Alexander V. Lysenko¹, Valentina I. Mordvintseva^{2, 3}

¹*Institute of Archaeology of Crimea RAS, Simferopol, Russia*
a-lysenko@mail.ru

²*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

³*Institute of World History RAS, Moscow, Russia*
v_mordvintseva@mail.ru, vmordvintseva@hse.ru

Abstract. Metal jewellery votives discovered at the “barbarian” sanctuary on the Mt. Eklizi-Burun (Crimea) are dated from the 1st to the 3rd centuries AD. Most of these items belong to the female costume known from funerary contexts of Central Crimea, which differ by their localization (Foothills and the Southern seashore), as well as by the peculiarities of burial rite (“inhumation” vs. “cremation”). A small part of jewellery is characteristic only for the cemeteries on the Southern shore representing burials with the remains of cremations.

An analysis of cultural niches, in which these jewellery items were produced and used, suggests that the adherents of the sanctuary belonged to the societies that lived on the Southern macro-slope of the Main ridge of the Crimean Mountains and practiced cremation of the dead. Apparently, these people got in the Greco-Roman narrative tradition and local epigraphic documents of the Roman period as “Tauri”, “Scythian-Tauri”, and “Tauro-Scythians” inhabiting “Taurica”. Presumably, they appeared in the Mountainous Crimea in the 2nd and 1st centuries BC (migrating from the areas of LaTénoid archaeological cultures?) and maintained their cultural identity until the beginning of the 5th century AD.

Keywords: Eklizi-Burun sanctuary, jewellery, Roman period, Mountainous Crimea, Taurica, Tauro-Scythians, Scythian-Tauri, Bosporus, Chersonesos

---
